INT. INSTITUUT
SOC. GESCHIEDENIS
AMSTERDAM
10914041

ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ОБЪ АГИТАЦІИ

съ послѣсловіемъ

ПАВЛА АКСЕЛЬРОДА

Библиотека и Архивъ Российской Коммунистической Партіи (б) и Русской Революціи

Изданіе „Союза Русскихъ Соціальдемократовъ"

ЖЕНЕВА
Типографія „Союза Русскихъ Соціальдемократовъ".
1896.

Вопросы о задачахъ и тактикѣ нашего движенія пріобрѣтаютъ особенно важное значеніе именно теперь, въ виду его переходного состоянія, когда оно готовится вступить въ новый фазисъ.

Такъ какъ брошюра уже циркулировала въ гектографированномъ и другихъ видахъ въ Россіи, то она представляетъ собою теперь своего рода историческій документъ. Поэтому, мы выпускаемъ ее безъ всякихъ измѣненій въ текстѣ. А поскольку это возможно было сдѣлать, не нарушая связи въ изложеніи, мы въ послѣсловіи отмѣтили нѣкоторыя изъ тѣхъ мѣстъ, которыя показались намъ неясными или сомнительными.

П. Аксельродъ.

Цюрихъ, іюнь 1884 года.

ОБЪ АГИТАЦІИ.

Статья наша имѣетъ цѣлью выясненіе нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся практики русскихъ соціаль-демократовъ, вопросовъ, правильное разъясненіе которыхъ, по нашему мнѣнію, есть необходимое условіе для того, чтобы дѣятельность соціаль-демократовъ принесла желанные плоды. Опираясь на нашъ собственный опытъ и на свѣдѣнія, который мы имѣемъ относительно дѣятельности другихъ группъ, мы пришли къ заключенію, что первые шаги русскихъ соціальдемократовъ были невѣрны и что, въ интересахъ дѣла, тактика ихъ должна быть измѣнена. Поэтому, въ нашей статьѣ мы и старались показать, въ какомъ направленіи должна измѣниться дѣятельность соціаль-демократовъ, какія задачи они должны себѣ поставить, чтобы не рисковать въ концѣ своего пути остаться столь же безсильными, какъ и въ началѣ.

При составленіи статьи мы имѣли въ виду читателей изъ интеллигентовъ и передовыхъ рабочихъ; особенно было бы для насъ важно повліять на убѣжденія этихъ послѣднихъ, въ виду того, что именно рабочіе-соціальдемократы въ большинствѣ сочувствуютъ той практической дѣятельности, которую мы осуждаемъ, какъ безполезную. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ причины этого явленія: отчасти этотъ вопросъ выясненъ въ самой статьѣ; во всякомъ случаѣ, мы убѣждены, что пока наиболѣе развитые рабочіе не примкнутъ къ идеѣ необходимости работы въ указываемомъ направленіи, до тѣхъ поръ будущность нашего рабочаго движенія будетъ подлежать сомнѣнію. Если наша статья будетъ имѣть слѣдствіемъ хоть полемику по интересующему насъ вопросу, мы сочтемъ себя удовлетворенными: такъ или иначе, а полемика принесетъ свою пользу, подвергнувъ разсмотрѣнію вопросъ, который до сихъ поръ рѣшался отдѣльными замкнутыми кружками.

№ 1804
R 373/74

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Печатаемое нами произведеніе написано было, если не ошибаемся, около года тому назадъ. За этотъ промежутокъ времени наше соціальдемократическое движеніе сдѣлало значительный шагъ впередъ, такъ что, можно сказать, положенія, теоретически доказываемыя и обосновываемыя авторомъ брошюры, уже перешли въ практику, а критикуемый имъ фазисъ въ развитіи нашей нарождающейся соціальной демократіи отошелъ уже или отходитъ въ вѣчность. Нѣкоторые изъ товарищей выразили, однако, желаніе, чтобы брошюра эта была издана нами. Мы очень охотно исполняемъ его и очень благодарны имъ за матеріальную поддержку, оказанную ими намъ, для выпуска ея въ свѣтъ. Дѣло въ томъ, что авторъ ея довольно подробно останавливается на такихъ моментахъ агитаціонной дѣятельности, которыя можно назвать педагогическими. Какъ ни элементарны сами по себѣ относящіяся къ нимъ положенія автора, для большинства нашей соціальдемократической молодежи они и теперь еще представляютъ собою своего рода только что открытую Америку. Усвоеніе ихъ обязательно для всякаго соціальдемократа, собирающагося нести свои знанія въ рабочую среду.

Мы находимъ, однако, точку зрѣнія, съ которой авторъ критикуетъ „первые шаги русскихъ соціальдемократовъ“ и главный выводъ изъ его критики довольно односторонними Въ своемъ послѣсловіи, авторъ этихъ строкъ постарался въ общихъ чертахъ резюмировать свои и своихъ ближайшихъ товарищей взгляды по вопросамъ, составляющимъ главный предметъ брошюры.

Вопросы о задачахъ и тактикѣ нашего движенія пріобрѣтаютъ особенно важное значеніе именно теперь, въ виду его переходного состоянія, когда оно готовится вступить въ новый фазисъ.

Такъ какъ брошюра уже циркулировала въ гектографированномъ и другихъ видахъ въ Россіи, то она представляетъ собою теперь своего рода историческій документъ. Поэтому, мы выпускаемъ ее безъ всякихъ измѣненій въ текстѣ. А поскольку это возможно было сдѣлать, не нарушая связи въ изложеніи, мы въ послѣсловіи отмѣтили нѣкоторыя изъ тѣхъ мѣстъ, которыя показались намъ неясными или сомнительными.

П. Аксельродъ.

Цюрихъ, іюнь 1896 г.

ОБЪ АГИТАЦІИ.

Статья наша имѣетъ цѣлью выясненіе нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся практики русскихъ соціаль-демократовъ, вопросовъ, правильное разъясненіе которыхъ, по нашему мнѣнію, есть необходимое условіе для того, чтобы дѣятельность соціаль-демократовъ принесла желанные плоды. Опираясь на нашъ собственный опытъ и на свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ относительно дѣятельности другихъ группъ, мы пришли къ заключенію, что первые шаги русскихъ соціальдемократовъ были невѣрны и что, въ интересахъ дѣла, тактика ихъ должна быть измѣнена. Поэтому, въ нашей статьѣ мы и старались показать, въ какомъ направленіи должна измѣниться дѣятельность соціаль-демократовъ, какія задачи они должны себѣ поставить, чтобы не рисковать въ концѣ своего пути остаться столь же безсильными, какъ и въ началѣ.

При составленіи статьи мы имѣли въ виду читателей изъ интеллигентовъ и передовыхъ рабочихъ; особенно было бы для насъ важно повліять на убѣжденія этихъ послѣднихъ, въ виду того, что именно рабочіе-соціальдемократы въ большинствѣ сочувствуютъ той практической дѣятельности, которую мы осуждаемъ, какъ безполезную. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ причины этого явленія: отчасти этотъ вопросъ выясненъ въ самой статьѣ; во всякомъ случаѣ, мы убѣждены, что пока наиболѣе развитые рабочіе не примкнутъ къ идеѣ необходимости работы въ указываемомъ направленіи, до тѣхъ поръ будущность нашего рабочаго движенія будетъ подлежать сомнѣнію. Если наша статья будетъ имѣть слѣдствіемъ хоть полемику по интересующему насъ вопросу, мы сочтемъ себя удовлетворенными: такъ или иначе, а полемика принесетъ свою пользу, подвергнувъ разсмотрѣнію вопросъ, который до сихъ поръ рѣшался отдѣльными замкнутыми кружками.

I.

Рабочее движеніе является неизбѣжнымъ результатомъ присущихъ капиталистическому производству противорѣчій. По отношенію къ рабочей массѣ, противорѣчія капиталистическаго производства заключаются въ томъ, что измѣненія, вносимыя капиталистическимъ строемъ въ условія жизни и понятія народа, дѣлаютъ эту массу все менѣе годной для эксплуатаціи. Нуждаясь въ людяхъ-автоматахъ, безпрекословно подчиненныхъ волѣ капитала, этотъ строй подготовляетъ почву для выработки среди рабочихъ мыслящихъ личностей, проводитъ въ рабочихъ пониманіе ихъ интересовъ. Если капитализмъ требуетъ разрозненности рабочихъ, чтобы въ корнѣ подорвать возможность борьбы противъ капитала, то, въ свою очередь, собираетъ и соединяетъ рабочихъ въ одной мастерской, въ одномъ жиломъ помѣщеніи, въ одномъ фабричномъ центрѣ. Если капитализмъ нуждается въ томъ, чтобы рабочіе не видѣли противоположности интересовъ капитала и труда, то тотъ же строй своей концентраціей капиталовъ дѣлаетъ различіе между положеніемъ капиталистовъ и рабочихъ все болѣе рѣзкимъ. Если капитализму выгодна градація работниковъ, потому что она ведетъ къ разъединенію, то развитіе техники уничтожаетъ эту градацію и низводитъ большинство рабочихъ на степень чернорабочихъ. Если капиталисту выгодно, чтобы семейство рабочаго было крѣпко и удерживало его отъ слишкомъ пылкой борьбы съ капиталомъ, то, съ другой стороны, послѣдній самъ освобождаетъ рабочаго отъ его семейства и вводитъ въ то же горнило фабричной жизни жену и дѣтей. Однимъ словомъ, если капиталъ, подъ страхомъ собственной гибели, вынужденъ стремиться къ постановкѣ преградъ для развитія рабочаго класса, то съ другой стороны онъ разрушаетъ самъ свое собственное зданіе и приготовляетъ враждебную себѣ и опасную силу. Правда, самъ же капиталистическій строй на извѣстной ступени своего развитія

приготовляетъ сильное оружіе для борьбы даже противъ объединеннаго пролетаріата, но то за оружіе это слишкомъ обоюдоостро. Въ борьбѣ противъ имъ же самимъ создаваемой и развиваемой силы капиталистическое общество задыхается и ускоряетъ свою собственную гибель. Достаточно упомянуть о резервной рабочей арміи, которая тяжелымъ камнемъ давитъ рабочее населеніе и парализуетъ успѣхъ борьбы. Но увеличеніе рабочей арміи, составляющей этотъ резервъ, сокращаетъ внутренній рынокъ, затѣмъ дѣлаетъ все болѣе труднымъ для рабочаго населенія ношеніе бремени налоговъ, чѣмъ вызываетъ переходъ отъ косвенныхъ налоговъ къ прямымъ; наконецъ, эта армія требуетъ государственной помощи (уже не говоря объ увеличеніи расходовъ на полицію, судъ, тюрьмы), что ведетъ къ увеличенію государственныхъ расходовъ. Первое слѣдствіе заставляетъ капиталиста искать новыхъ рынковъ, что становится все труднѣе и труднѣе, и потому ведетъ къ частымъ, а то и къ постояннымъ кризисамъ, а кризисы приводятъ къ убыткамъ вмѣсто прибыли, къ низведенію нѣкоторой части капиталистовъ въ ряды пролетаріата, къ уничтоженію части капитала. Измѣненіе въ системѣ налоговъ и увеличеніе расходовъ, вызываемое штатомъ резервной арміи, отнимаетъ все большую часть прибыли въ пользу государства, чѣмъ уменьшается какъ прибыль, такъ, слѣдовательно, и накопленіе. А эти новыя противорѣчія имѣютъ результатомъ стремленіе къ увеличенію эксплуатаціи и дальнѣйшему усовершенствованію техники, все большую жесточенность конкурренціи и другія подобныя явленія, которыя, какъ мы выше видѣли, въ свою очередь, ведутъ къ послѣдствіямъ, не входящимъ въ задачи капитализма — развиваютъ силу и степень враждебности къ существующему строю въ рабочей массѣ. Такимъ-то образомъ, на извѣстной ступени капиталистическаго развитія, присущія ему противорѣчія выдвигаютъ рабочую массу противъ капитала. Чѣмъ дальше идетъ развитіе капиталистическаго производства, тѣмъ эта борьба должна быть острѣе и тѣмъ дальше идутъ

требованія и пониманіе рабочей массы. Такимъ образомъ, капитализмъ является школой, не только подготовляющей матеріалъ — рабочихъ борцовъ, но и воспитывающей ихъ и бьющей по нимъ своими слишкомъ яркими противорѣчіями. Онъ не только увеличиваетъ силы рабочаго класса путемъ объединенія рабочихъ, но и подготовляетъ почву для возникновенія и распространенія все болѣе крайнихъ идей. Идея соціализма, какъ нѣчто конкретно возможное, могла выработаться только на почвѣ капиталистическаго строя, и притомъ лишь на извѣстной ступени его развитія.

Но какимъ образомъ дѣйствуетъ школа капитализма на рабочую массу? Собирать рабочихъ вмѣстѣ, еще не значитъ соединять ихъ для борьбы.

Концентрація пролетаріата является удобной почвой для движенія. Если бы капитализмъ могъ постоянно удовлетворять рабочаго въ его ежедневныхъ потребностяхъ, то такое соединеніе не играло бы революціонной роли. Но капитализмъ, опирающійся на конкурренцію и отсутствіе плана въ производствѣ, постоянно вынуждаетъ отдѣльныхъ предпринимателей стремиться къ увеличенію прибавочной стоимости, къ уменьшенію доли труда въ продуктѣ, къ постоянной мелочной борьбѣ съ пролетаріатомъ, который отстаиваетъ свое существованіе и не можетъ не протестовать противъ явнаго посягновенія на его благосостояніе. Эта борьба неизбѣжно является тѣмъ главнымъ воспитательнымъ факторомъ, который дѣйствуетъ на рабочую массу и дѣлаетъ ее, на извѣстной ступени развитія, одной изъ главныхъ силъ, подрывающихъ этотъ строй. Обостряясь, углубляясь и обобщаясь, эта борьба принимаетъ характеръ классовой борьбы съ соотвѣтствующимъ ей классовымъ сознаніемъ пролетаріата, при которой мы теперь присутствуемъ во всѣхъ капиталистическихъ странахъ. Капиталъ не сдается сразу, не сдается до послѣдняго момента: разбитый на всѣхъ пунктахъ, онъ старается опять стать на ноги и начинаетъ борьбу съ новыми силами. При этой борьбѣ все рельефнѣе выступаютъ голые интересы капитала, на извѣстной ступени

развитія борьба не можетъ долѣе вестись подъ флагомъ высокихъ идей, капиталъ сбрасываетъ свою личину и, не стѣсняясь, заявляетъ, что онъ борется противъ притязаній на свой карманъ; на этой ступени капиталъ ведетъ борьбу не за преобладаніе, а только за существованіе. Онъ хватается за политическія формы капиталистическаго строя, какъ утопающій хватается за соломинку. Только государственная власть въ состояніи еще бороться противъ рабочей массы, и пока политическая власть находится въ рукахъ буржуазіи, до тѣхъ поръ, можно смѣло сказать, крупныхъ улучшеній въ положеніи рабочихъ произойти не можетъ. Поэтому, какъ бы широко ни было рабочее движеніе, успѣхъ его не обезпеченъ до тѣхъ поръ, пока рабочій классъ не станетъ твердо на почву политической борьбы. Достиженіе политической власти является главной задачей борющагося пролетаріата.

Но стать передъ лицомъ рабочаго класса эта задача можетъ лишь тогда, когда экономическая борьба выставитъ передъ нимъ явную невозможность добиться улучшенія своей участи при данныхъ политическихъ условіяхъ. Только когда стремленія пролетаріата столкнутся лицомъ къ лицу съ данными политическими формами, только тогда, когда потокъ рабочаго движенія встрѣтится съ политическою силою, только тогда настанетъ моментъ перехода классовой борьбы въ фазисъ борьбы сознательно политической. Какъ соціалъ-демократы, мы ставимъ своей задачей привести пролетаріатъ къ сознанію необходимости политической свободы, какъ предварительнаго условія, для возможности его широкаго развитія.

Но какъ добиться этого?

Какъ ни проста и очевидна идея политической свободы, проникнуться ею, притомъ еще въ странѣ политически отсталой, рабочій классъ не можетъ до тѣхъ поръ, пока онъ не станетъ задыхаться въ данной политической атмосферѣ, пока удовлетвореніе ставшихъ для него необходимыми потребностей будетъ невозможнымъ въ предѣлахъ существующихъ политическихъ

условій. Какъ для сознанія противоположности интересовъ недостаточно только возникновенія этой противоположности, а необходима постоянная борьба, такъ и для сознанія политическаго безправія недостаточно самого факта этого безправія, до тѣхъ поръ, пока оно не столкнется съ стремленіями рабочей массы къ улучшенію своего положенія. Лучшее доказательство тому мы видимъ въ исторіи Англіи, гдѣ, благодаря расцвѣту промышленности, въ извѣстный періодъ приходилось бороться лишь за такія улучшенія, добиться которыхъ можно было при данныхъ политическихъ условіяхъ путемъ чисто экономической борьбы съ капиталистами, не прибѣгавшими къ помощи организованной силы государства. Результаты получились на первый взглядъ поистинѣ поразительные. Въ Англіи — наиболѣе развитое капиталистическое производство, наиболѣе развитое рабочее движеніе, но движеніе это въ очень ничтожной степени носитъ политическій характеръ, и до сихъ поръ еще большинство сторонится отъ активной политической борьбы. Соціаль-демократическую окраску пролетаріатъ начинаетъ принимать только въ самое послѣднее время, по мѣрѣ того, какъ рабочій классъ самымъ ходомъ борьбы приходитъ къ сознанію необходимости такихъ реформъ, которыя не могутъ быть осуществимы иначе, какъ путемъ прямого воздѣйствія на государственную машину. Если же взять Австрію, въ которой рабочее движеніе очень молодо, то тамъ мы встрѣчаемся съ поразительно быстрымъ ростомъ политическихъ элементовъ въ движеніи пролетаріата, причиной чего и являются болѣе узкія политическія рамки, въ предѣлахъ которыхъ должна была вестись первоначальная борьба пролетаріата. Или, напр., Ирландія. Борьба мелкихъ фермеровъ, необъединенныхъ капиталомъ, съ давняго времени носитъ политическій характеръ, потому что экономическая борьба за удержаніе уровня благосостоянія рѣзко столкнула ирландскій народъ съ организованной силой англійскаго государства. Изъ вышеприведенныхъ примѣровъ слѣдуетъ, что немыслимо ожидать классового движенія съ полити-

ческой программой тамъ, гдѣ не ведется въ достаточно крупныхъ размѣрахъ чисто экономическая борьба. Утопично, поэтому, предполагать, что русскіе рабочіе, въ общей своей массѣ, могутъ повести политическую борьбу, если только не выяснить съ достаточной убѣдительностью необходимости ея въ ихъ собственныхъ интересахъ. Народная масса вовлекается въ борьбу не разсужденіями, но объективной логикой вещей, самымъ ходомъ событія, наталкивающимъ ее на борьбу. Роль партіи, взявшей на себя политическое воспитаніе и организацію народа, въ этомъ отношеніи ограничивается тѣмъ, чтобы вѣрно опредѣлить моментъ, когда борьба назрѣла настолько, чтобы перейти въ борьбу политическую и чтобы подготовить въ самой массѣ элементы, необходимые для того, чтобы этотъ переходъ совершался съ наименьшей тратой силъ. Какимъ образомъ, напр., пролетаріатъ можетъ придти къ сознанію необходимости свободы собраній? Чисто логическимъ путемъ къ такому требованію масса не доходитъ. Нужно, чтобы свобода собраній была сознана, какъ средство борьбы за свои интересы, слѣд., должны быть сознаны и эти интересы, и практика должна воочію показать, какая связь между интересами рабочаго и свободой собраній. Эта практика дается борьбой за свои интересы, борьбой, въ которой приходится становиться лицомъ къ лицу съ такими общими вопросами, мысли о которыхъ имъ же самимъ показались бы бреднями. Критической мысли остается только указывать массѣ на выводы, вытекающіе изъ постановки самой жизнью насущныхъ для нея вопросовъ, остается только формулировать тѣ результаты, которые вытекаютъ изъ логики вещей, логики самой борьбы, другими словами, дать программу.

Но какъ объяснить, въ такомъ случаѣ, движеніе пролетаріата въ концѣ прошлаго столѣтія во Франціи и въ половинѣ нынѣшняго чуть-ли не во всей Европѣ? То было время политическаго угнетенія буржуазіи, которая, при своемъ развитіи, встрѣтила препятствія, которыя ставили ей политическія формы абсолютизма

или аристократіи. Буржуазія, сильная уже тогда своими матеріальными средствами, нуждалась въ помощи чисто физическихъ силъ. Фактически отъ тѣхъ же политическихъ условій страдалъ и рабочій людъ, напр., подмастерья и мануфактурные рабочіе. Въ массѣ существовало недовольство, велась ею и политическая борьба, но эта борьба происходила во время замѣны старыхъ формъ производства новыми, все значеніе и смыслъ которыхъ были недостаточно ясны даже образованной части общества, тѣмъ болѣе, неразвитой народной массѣ. Борьба при такихъ условіяхъ не могла дать пролетаріату ни яснаго сознанія роковой противоположности его интересовъ интересамъ всѣхъ другихъ классовъ, ни тѣмъ болѣе того, что основныя причины бѣдствій рабочаго класса лежатъ въ основаніяхъ экономическаго строя современнаго общества. Между тѣмъ, значительное угнетеніе буржуазіи вызвало въ ней стремленіе къ борьбѣ за освобожденіе, сопровождаясь такимъ ея идеальнымъ подъемомъ, такимъ расцвѣтомъ политическихъ дарованій въ ея средѣ, какого ни прежде, ни послѣ этотъ классъ не достигалъ. Цѣлыя массы ораторовъ, политиковъ, литераторовъ и публицистовъ вышли изъ ея среды, одушевленные идеями свободы и равенства, въ сознаніи самихъ пропагандистовъ мало связанныхъ съ матеріальными интересами буржуазіи. Тѣмъ не менѣе, это были ея дѣти, воспитанныя на почвѣ политическаго недовольства и оппозиціи, правда, переходившія за предѣлы, въ которыхъ позволялъ себѣ фрондировать солидный буржуа, нерѣдко становившіяся въ открытый антагонизмъ къ представителямъ умѣренности и аккуратности банкирскаго и промышленнаго либерализма, но при всемъ томъ работавшія въ пользу одной только буржуазіи. Вотъ эти-то дѣятели, двинувшіеся въ народъ со всѣмъ жаромъ несознающаго матеріальныхъ корней своего идеализма, нашли въ незрѣлой политически и находившейся въ состояніи броженія массѣ благодарную почву. Народъ нетруднымъ оказалось убѣдить въ томъ, что причина всѣхъ его бѣдствій заключается въ политическихъ стѣсненіяхъ, и тѣмъ болѣе

легко было это сдѣлать, когда стоявшій надъ нимъ классъ пѣлъ въ униссонъ съ революціонными агитаторами, правда, октавой ниже. Вѣское слово закрѣпило въ умахъ рабочихъ истинность и значеніе того, что въ летучихъ листкахъ и на сходкахъ говорили ораторы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, то же вѣское слово закрѣпило въ его умѣ идею о связи всѣхъ его интересовъ съ интересами предпринимателей. Видя въ хозяинѣ своего защитника и покровителя, онъ вполнѣ предался ему, не подозрѣвая, что только очень маленькій путь имъ придется сдѣлать вмѣстѣ, что ихъ дороги разойдутся въ противоположныя стороны. Такимъ образомъ, буржуазія стала предводительницей рабочаго класса, который, подъ ея руководствомъ, разрушилъ не одну твердыню абсолютизма „божіей милостью". Рабочій классъ шелъ въ битву, буржуазія давала программу, и послѣ побѣды учреждала новыя основанія порядка, причемъ брала себѣ львиную долю добычи, заключавшейся въ политической власти. Тѣмъ не менѣе, и тѣ крупицы свободы, которыя перепадали пролетаріату послѣ побѣды, принесли свою долю пользы. Еще больше пользы принесло ему политическое воспитаніе, которое онъ пріобрѣлъ въ этой борьбѣ. Но съ этими хорошими сторонами связаны и дурныя стороны: до сихъ поръ еще рабочій видитъ въ медорѣчивомъ буржуа своего властителя и естественнаго представителя въ политическихъ дѣлахъ. Содѣйствуя политическому воспитанію рабочаго класса, пріучая его къ политической борьбѣ, этотъ историческій періодъ въ то же время способствовалъ ослабленію его политическаго самосознанія, какъ отдѣльнаго класса. Исторія этой эпохи важна для насъ, какъ урокъ и какъ цѣнный матеріалъ для собственной практики и теоретическаго обоснованія движенія. Мы должны вывести изъ этого, что только масса можетъ завоевать политическую свободу. А если такъ, то борьбу за освобожденіе пролетаріата нельзя откладывать до того момента, когда буржуазія добьется политической свободы. Будетъ-ли у насъ буржуазія добиваться ея или нѣтъ, будутъ-ли въ ближайшемъ будущемъ органическіе кон-

фликты между правительствомъ и капиталомъ, — это вопросъ несомнѣнно важный, но то или другое его рѣшеніе не должно измѣнять направленія нашей дѣятельности. Для насъ въ томъ и другомъ случаѣ самое важное, чтобы рабочій классъ былъ сознателенъ, чтобы онъ понималъ свои интересы, чтобы онъ не сталъ прихвостнемъ буржуазіи, если послѣдняя захочетъ воспользоваться силой рабочей массы, какъ охраной, которую не только броситъ потомъ, какъ ненужную вещь, но и постарается разбить, чтобы она не могла служить противъ самихъ побѣдителей. Если дѣйствительно наша буржуазія и съумѣетъ стать революціонной, то мы не должны дать ей возможность явиться учительницей и руководительницей нашего пролетаріата, ибо воспитаніе, полученное отъ буржуазіи, окупится слишкомъ дорогой цѣной потери его классового самосознанія. Если буржуазія сама тоже выступитъ на арену политической борьбы, то тѣмъ несомнѣнно лучше: рабочій найдетъ попутчика по дорогѣ, но только попутчика; если же нѣтъ, то онъ и эту часть предстоящаго ему пути пройдетъ одинъ, какъ пройдетъ и весь остальной путь до полнаго освобожденія. И какъ ничтожна эта первая часть пути передъ всей предстоящей ему дорогой!

II.

Въ виду вышеизложеннаго, предстоящая намъ задача стоитъ ясно передъ нами: мы должны стремиться выработать политическое самосознаніе въ массѣ рабочихъ, заинтересовать ее въ политической свободѣ. Но политическое самосознаніе говоритъ не только объ измѣненіи настоящаго политическаго строя, но и объ измѣненіи его въ пользу рабочаго класса. Слѣдовательно, политическому классовому самосознанію должно предшествовать сознаніе противоположности интересовъ. Противоположность же интересовъ будетъ сознана тогда, когда въ жизни пролетаріата появится эта противоположность. Она должна давать себя чувствовать на каждомъ шагу, постоянно долбить рабочаго, давать себя

чувствовать во всѣхъ мелочахъ. Но достаточно-ли только чувствовать на себѣ противоположность, чтобы выдвинуть свои интересы на первый планъ и постоянно имѣть ихъ въ виду? Жизнь часто опутываетъ простыя и ясныя отношенія, и нерѣдко представляется возможнымъ объяснить враждебность положенія хозяина и рабочихъ чисто побочными обстоятельствами, которыя именно и сбиваютъ рабочаго съ толку. Напр., нѣтъ ничего легче, какъ отуманить рабочаго и доказать ему, что уменьшеніе рабочаго дня невозможно. Въ доказательство приводится и угнетенное состояніе ремесла въ данной отрасли промышленности; приводится невозможность укороченія рабочаго дня изъ-за конкурренціи съ другими хозяевами, небольшая прибыль, борьба съ магазинами и т. д. Вотъ эти-то доводы, хотя бы они были невѣрны, или вѣрны только для частнаго случая, для мало понимающаго рабочаго даже слишкомъ доказательны. Очевидно, чувствовать и понимать справедливость требованій, и постоянно и настойчиво ихъ выдвигать — далеко не одно и то же. Но, чтобы разнаго рода уловки и хитрости не отклонили рабочихъ отъ ихъ справедливыхъ требованій, необходимо выдвигать эти требованія постоянно, и не только по крупнымъ вопросамъ, но, — что особенно важно, какъ подготовительная работа, и по вопросамъ, съ виду самымъ ничтожнымъ. Въ требованіяхъ мелкихъ хозяинъ не такъ отуманитъ рабочихъ, потому что возможность удовлетворить мелкія требованія очевидна для всякаго, она зависитъ только отъ даннаго хозяина, и неудовлетвореніе требованія легко объясняется рабочимъ лишь только нежеланіемъ самого фабриканта, и такимъ путемъ отчасти выясняется и противоположность интересовъ его и хозяина. При этомъ мелкія требованія безъ особенной настойчивости въ борьбѣ за нихъ, легче могутъ имѣть успѣхъ, а это приноситъ съ собою вѣру въ свои силы, научаетъ рабочаго практическимъ пріемамъ борьбы, подготовляетъ и выдвигаетъ единичныя личности, которыя до того терялись въ массѣ, даетъ и другимъ рабочимъ примѣръ того, какъ успѣшно бо-

роться съ хозяевами. При борьбѣ даже за мелкія требованія рабочіе должны поневолѣ соединяться вмѣстѣ, убѣждаясь на практикѣ въ необходимости и возможности объединенія. Эта практика много больше значитъ въ воспитаніи массы, она много убѣдительнѣе, чѣмъ книжки, говорящія о томъ же. Въ борьбѣ обостряются отношенія сторонъ, и хозяинъ является въ истинномъ своемъ видѣ, только тогда онъ сбрасываетъ свою маску отца-благодѣтеля и проявляетъ свои задушевныя мысли и стремленія. Въ этой борьбѣ рабочій можетъ ясно различить своихъ друзей и враговъ, можетъ замѣтить солидарность всѣхъ хозяевъ, всей буржуазіи вообще — крупной и мелкой — противъ него, рабочаго. На почвѣ возбужденія, вызываемаго борьбою, рабочій болѣе воспріимчивъ къ принятію такихъ идей, которыя раньше ему самому показались бы бреднями.

Эта борьба за мелкія требованія, вызываемая частными причинами эксплуатаціи одного или нѣсколькихъ хозяевъ, ограниченная ареной одной или немногихъ мастерскихъ или фабрикъ, борьба, которая въ большинствѣ случаевъ удерживается въ рамкахъ борьбы только самымъ непосредственнымъ эксплуататоромъ, не поддерживаемомъ администраціей, должна служить для русскаго пролетаріата, еще не искусившагося въ классовой борьбѣ, какъ бы первоначальной школой; въ ней онъ воспитается, окрѣпнетъ, изъ нея выйдетъ подготовленный къ борьбѣ за болѣе важныя требованія, безъ соединенія рабочихъ нѣсколькихъ фабрикъ или цѣлаго ремесла.

Первый фазисъ борьбы за мелкія требованія, къ которымъ рабочаго толкаетъ легко понимаемый разсчетъ, безъ труда объяснимая эксплуатація хозяина, требуетъ отъ рабочихъ извѣстной степени энергіи и единодушія. Во второмъ фазисѣ, когда придется имѣть дѣло съ цѣлымъ буржуазнымъ классомъ, къ которому немедленно поспѣшитъ на помощь правительство, потребуется уже гораздо большая степень выдержки, солидарности и смѣлости; мало того, потребуется и извѣстная степень сознанія, умѣнія связать свои интересы съ интересами

другихъ рабочихъ той же отрасли производства, иногда даже другой, а такое сознаніе можетъ выработаться только тогда, когда собственнымъ опытомъ рабочій придетъ къ выводу о невозможности успѣха при частной борьбѣ за интересы рабочихъ отдѣльныхъ фабрикъ. Именно борьба съ отдѣльными хозяевами и выработаетъ въ рабочемъ классѣ ту степень стойкости и выдержки, объединенности, чувства независимости и классовой самоувѣренности, которая понадобится ему тогда, когда передъ нимъ встанетъ необходимость классовой борьбы въ собственномъ смыслѣ слова. По мѣрѣ вступленія въ эту фазу, рабочее движеніе станетъ мало по малу принимать политическую окраску. Дѣйствительно, поскольку рабочіе выдвигаютъ то или иное требованіе значительнаго измѣненія въ существующихъ на данной фабрикѣ или въ цѣлой отрасли промышленности порядкахъ, постольку они вступаютъ въ такую борьбу, при которой имъ станетъ выясняться отношеніе къ нимъ не только одного, не только нѣсколькихъ хозяевъ, но и всѣхъ высшихъ классовъ и правительства. Въ сознаніи всей правоты своего требованія, рабочіе сначала держатся спокойно, увѣренные въ томъ, что всѣ должны быть на ихъ сторонѣ, всѣ должны имъ сочувствовать. Вѣдь все это такъ просто, требованія ихъ такъ ясны, притѣсненія такъ несправедливы! Они отправляютъ депутацію къ фабричному инспектору. Онъ навѣрное имъ поможетъ, вѣдь онъ ихъ защитникъ, онъ знаетъ всѣ законы, а законы, навѣрное, говорятъ въ ихъ пользу.... Точно ушатомъ холодной воды обливаетъ ихъ инспекторъ.... Въ законахъ ничего объ этомъ нѣтъ; фабрикантъ стоитъ на вполнѣ законной почвѣ, ничего не могу сдѣлать.... Дверь закрывается передъ носомъ.... Какъ! чтобы законы за насъ не заступились! Быть этого не можетъ, чтобы насъ не защищалъ нашъ батюшка! Инспекторъ подкупленъ фабрикантомъ, онъ вретъ, нахально вретъ!... Рабочіе пробуютъ другіе пути, — вездѣ отказъ, кое-гдѣ съ угрозой, которая скоро принимаетъ реальныя формы — въ помощь фабрикантамъ посылаются войска. Рабочіе по-

лучаютъ первый урокъ политической науки, гласящей, что право на сторонѣ сильнаго, что противъ организованной силы капитала должна выступить организованная же сила труда. Расширяясь по мѣрѣ своего развитія, охватывая цѣлыя производства вмѣсто отдѣльныхъ фабрикъ, движеніе съ каждымъ шагомъ все чаще сталкивается съ государственной властью, уроки политической мудрости становятся все чаще, и съ каждымъ разомъ ихъ строгая мораль все глубже запечатлѣвается въ умахъ рабочихъ, вырабатывается классовое самосознаніе, пониманіе того, что все, къ чему стремится народъ, можетъ быть достигнуто только черезъ этотъ же народъ. Подготовляется почва для политической агитаціи. Эта агитація застаетъ теперь классъ, организованный самой жизнью, съ сильно развитымъ классовымъ эгоизмомъ, съ сознаніемъ общности интересовъ всѣхъ трудящихся и ихъ противоположности интересамъ всѣхъ другихъ. Тогда измѣненіе политическаго строя только вопросъ времени. Одна искра — и накопленный горючій матеріалъ дастъ взрывъ.

Такимъ образомъ, задачей соціаль-демократовъ является постоянная агитація среди фабричныхъ рабочихъ на почвѣ существующихъ мелкихъ нуждъ и требованій. Вызванная такой агитаціей борьба пріучитъ рабочихъ отстаивать свои интересы, подниметъ ихъ мужество, дастъ имъ увѣренность въ своихъ силахъ, сознаніе необходимости единенія и въ концѣ концовъ поставитъ передъ ними болѣе важные вопросы, требующіе разрѣшенія. Подготовленный, такимъ образомъ, къ болѣе серьезной борьбѣ, рабочій классъ приступаетъ къ рѣшенію этихъ насущныхъ вопросовъ, и агитація на почвѣ этихъ вопросовъ должна имѣть цѣлью выработку классового самосознанія. Классовая борьба въ этомъ, болѣе сознательномъ видѣ, создаетъ почву для политической агитаціи, цѣлью которой будетъ измѣненіе существующихъ политическихъ условій въ пользу рабочаго класса. Дальнѣйшая программа соціаль-демократовъ ясна сама собою.

III.

Исходя изъ того, что стать дѣйствительно народной партіей, соціаль-демократія можетъ только тогда, когда она программу своей дѣятельности построитъ на дѣйствительно ощущаемыхъ рабочимъ классомъ нуждахъ, и что для достиженія этой цѣли — организаціи рабочаго класса — она должна начать съ агитаціи на почвѣ самыхъ насущныхъ, наиболѣе рабочему классу ясныхъ и наиболѣе достижимыхъ мелкихъ требованій, мы приходимъ къ новой постановкѣ вопроса о томъ, какого рода личности мы должны стараться создавать изъ рабочихъ, предназначаемыхъ въ руководители движенія. Чтобы выставить самое мелкое требованіе, которое могло бы объединить рабочихъ въ борьбѣ, надо понимать, какое требованіе, при данныхъ условіяхъ, легче всего окажетъ на рабочихъ хорошее вліяніе, надо удачно выбрать моментъ для начала борьбы, надо знать, какіе пріемы борьбы, при данныхъ условіяхъ мѣста и времени, наиболѣе цѣлесообразны. Такого рода свѣдѣнія требуютъ отъ агитатора постоянныя сношенія съ массой рабочихъ, требуютъ, чтобы онъ постоянно интересовался и слѣдилъ за ходомъ данной отрасли промышленности. Въ каждой фабрикѣ найдется много прижимокъ, рабочаго могутъ интересовать много мелочей: угадать наиболѣе наболѣвшее мѣсто въ жизни рабочихъ, угадать моментъ, когда выдвинуть данное требованіе, знать заранѣе всѣ возможныя осложненія — вотъ реальное дѣло для активнаго агитатора. Подобнаго рода свѣдѣнія могутъ быть даны только жизнью, теорія можетъ и должна лишь освѣтить ему ихъ. Постоянно тереться въ массѣ, прислушиваться, попадать въ надлежащую точку, схватить біеніе пульса толпы — къ этому долженъ стремиться агитаторъ. Знаніе условій жизни, знаніе чувствъ массы дадутъ ему, главнымъ образомъ, вліяніе на массу; они дадутъ ему умѣніе всегда найтись при всякихъ обстоятельствахъ, они выдвинутъ его изъ толпы и сдѣлаютъ естественнымъ ея руководителемъ. Разумѣется, соціаль-демократическіе взгляды агитатора будутъ обусловливать тотъ изъ путей, по

которому онъ сочтетъ нужнымъ вести толпу, не поступаясь своими убѣжденіями. Онъ обязанъ всѣми силами стремиться къ выясненію массѣ выгодъ и неудобствъ каждаго изъ предлагаемыхъ ей средствъ, къ предохраненію ея отъ всякихъ ошибокъ, могущихъ вредить дѣлу развитія въ ней самосознанія. Далѣе, онъ долженъ идти всегда шагомъ дальше, чѣмъ пойдетъ масса, онъ долженъ освѣтить въ ея глазахъ ея борьбу, объяснивъ ея значеніе съ болѣе общей точки зрѣнія противоположности интересовъ, долженъ, такимъ образомъ, расширить горизонтъ массъ.

Но въ то же время агитаторъ самъ не долженъ упускать изъ вида конечной цѣли, долженъ быть настолько теоретически подготовленнымъ, чтобы ни при какихъ неудачахъ не терять изъ виду той связи, которая существуетъ между даннымъ его шагомъ и конечной цѣлью. Для этого, однако, недостаточно одной теоретической подготовки. Послѣдняя должна постоянно подкрѣпляться практической работой. Только такой постоянной провѣркой, только постоянно примѣняя къ дѣлу узнаваемое и усваиваемое въ теоріи, агитаторъ можетъ сказать, что понялъ и усвоилъ теорію. Въ свою очередь, практическая дѣятельность покажетъ, какіе вопросы необходимо обосновать глубже, и подобнымъ дополненіемъ человѣкъ съумѣетъ удостовѣриться въ основательности самой теоріи и въ приложимости ея къ даннымъ условіямъ.

Поэтому-то мы и не признаемъ ни одной изъ крайностей, ни оторваться отъ практической почвы и только учиться, ни агитировать въ массѣ, не занимаясь въ то же время и теоретически. Лишь параллельная дѣятельность, восполненіе одного другимъ, даетъ дѣйствительную подготовку и вырабатываетъ прямыя убѣжденія. Между тѣмъ, какой характеръ носили и носятъ пріемы пропаганды въ большинствѣ соціаль-демократическихъ кружковъ? У отдѣльныхъ личностей вырабатывались теоретической подготовкой соотвѣтствующія убѣжденія, которыя эти личности старались передавать дальше. Но цѣльное міровоззрѣніе, да еще міровоззрѣніе научнаго соціализма, можетъ быть воспринимаемо далеко не всякимъ, и лишь на извѣстной ступени развитія промышленности пропаганда научнаго соціализма находитъ массу адептовъ; и въ такомъ случаѣ эта масса подготовляется долгой и упорной борьбой. Поэтому выбирались наиболѣе способные рабочіе, которыхъ собирали въ кружки, передавали имъ мало по малу соціаль-демократическіе взгляды, насколько это было доступно самимъ руководителямъ, а затѣмъ матеріалъ для окончательной отдѣлки отсылается къ интеллигенту.

Что же являлось результатомъ такого рода пропаганды? Лучшіе, способнѣйшіе люди получали теоретическія свѣдѣнія, которыя самымъ внѣшнимъ образомъ связывались съ реальной жизнью, съ условіями, въ которыхъ жили эти личности. Стремленіе рабочаго къ знанію, къ выходу изъ темноты, эксплуатировалось для того, чтобы пріобщить его къ выводамъ и обобщеніямъ научнаго соціализма: послѣдній брался, какъ нѣчто обязательное, постоянное и для всѣхъ одинаковое. Вотъ почему большинство спропагандированныхъ рабочихъ при всемъ ихъ увлеченіи научнымъ соціализмомъ, носили всѣ черты, характеризовавшія въ свое время соціалистовъ-утопистовъ, — всѣ, кромѣ одной: послѣдніе были убѣждены во всемогущей силѣ проповѣди новаго евангелія, и вѣрили, что только отъ ихъ собственныхъ усилій зависитъ привлеченіе на ихъ сторону всей народной массы, между тѣмъ какъ наши соціаль-демократы-утописты отлично знаютъ, что отсталое состояніе русской промышленности указываетъ всякому соціалистическому движенію узкіе предѣлы, и эта увѣренность отнимаетъ у нихъ всякую энергію въ дѣлѣ пропаганды и заставляетъ ограничивать свою дѣятельность узкимъ кругомъ болѣе развитыхъ единицъ. Наши спропагандированные рабочіе гораздо лучше знаютъ и понимаютъ условія дѣятельности западной соціаль-демократіи, чѣмъ условія своей собственной дѣятельности.

Научный соціализмъ, явившійся на Западѣ теоретическимъ выраженіемъ рабочаго движенія, у насъ превращается въ абстрактную теорію, не желающую спуститься съ заоблачныхъ высотъ научнаго обобщенія.

Но мало того, что при такой постановкѣ дѣла соціализмъ вырождается въ секту, практиковавшаяся система пропаганды имѣла еще и другія, болѣе вредныя послѣдствія. Съ одной стороны, при этой системѣ пропаганды, масса оставалась совершенно въ сторонѣ, на нее смотрѣли, какъ на матеріалъ, изъ котораго надо черпать, и черпать по возможности больше. Это черпанье роковымъ образомъ ослабило интеллектуальныя силы массы, лучшіе элементы отнимались у нея, и она лишалась такихъ людей, которые и безъ всякаго сознанія, по своему умственному и нравственному превосходству, служили ей прежде и могли служить вожаками и передовыми бойцами въ чисто стихійной борьбѣ ея за существованіе. Съ другой стороны, эти лучшіе элементы пролетаріата образовали особую группу людей со всѣми признаками, характеризующими нашу революціонную интеллигенцію, обреченную на вѣчно кружковую жизнь и дѣятельность, съ неизбѣжно вытекающими отсюда результатами. Убѣдившись въ томъ, что дальнѣйшее выуживаніе единицъ изъ массы становится все труднѣе (а такой моментъ долженъ непремѣнно наступить), рабочіе интеллигенты становятся втупикъ, задумываются надъ причинами затрудненія и естественно склоняются или къ мысли, что виной неуспѣха ихъ дѣятельности является недостаточная степень ихъ собственнаго развитія, или же къ убѣжденію, что у насъ еще не созрѣли условія рабочаго движенія. Въ первомъ случаѣ они заключаютъ, что надо учиться и учиться и потомъ уже идти передавать свои взгляды массѣ; во второмъ — они, если не кончатъ полнымъ разочарованіемъ, примиреніемъ съ дѣйствительностью, все крѣпче замыкаются въ свои кружки, занимаются самоусовершенствованіемъ вплоть до минуты, когда само собою, безъ ихъ содѣйствія, имѣющее наступить поднятіе культурнаго уровня массы сдѣлаетъ ее способной понимать ихъ проповѣдь. Въ томъ и другомъ случаѣ подобные результаты пропаганды являются несомнѣннымъ минусомъ въ дѣлѣ поднятія классового самосознанія русскаго пролетаріата. Чѣмъ болѣе будутъ въ

умственномъ и нравственномъ отношеніи совершенствоваться рабочіе-соціалисты, тѣмъ болѣе они будутъ удаляться отъ массы, тѣмъ болѣе дѣйствительность будетъ уходить изъ-подъ ихъ ногъ, и въ рѣшительный моментъ, когда то или иное событіе приведетъ въ движеніе рабочую массу, она и рабочіе-соціалисты будутъ стоять чуждыми другъ другу, и даже враждебными другъ другу. Трудно предвидѣть, къ чему это можетъ повести, но исторія Европы показываетъ, что при такомъ положеніи вещей, когда назрѣютъ условія для движенія рабочей массы, а истинные представители ея интересовъ окажутся ей чуждыми, она найдетъ себѣ другихъ вождей — не теоретиковъ, а практиковъ, которые поведутъ ее въ ущербъ дѣлу ея классового развитія. Для соціалъ-демократа такая перспектива не можетъ не представляться весьма опасной. Пропаганда среди рабочихъ для того только, чтобы вербовать соціализму новыхъ единичныхъ приверженцевъ, нисколько не отличается отъ пропаганды среди интеллигенціи для той же цѣли; впрочемъ, какъ выше показано, подобная пропаганда имѣетъ и прямо вредную сторону — она ослабляетъ интеллектуальныя силы массы. Создавая рабочую соціалистическую интеллигенцію, оторванную отъ массы, мы вредимъ дѣлу развитія пролетаріата, вредимъ своему собственному дѣлу.

Иные результаты должны получиться при системѣ соединенія пропаганды съ агитаціей, соединенія теоріи съ практикой. Постоянное соединеніе развитыхъ единицъ съ массой, единеніе на почвѣ смутно шевелящихся въ пониманіи массы и разъясняемыхъ ей развитымъ агитаторомъ вопросовъ, такое единеніе свяжетъ массу съ агитаторомъ, сдѣлаетъ его ея естественнымъ руководителемъ. Въ то же время каждый, достигнутый путемъ такого союза единицъ и массъ, успѣхъ подниметъ дремлющія силы массы, подниметъ ея духъ, возбудетъ въ ней новыя, прежде казавшіяся ей чуждыми, потребности, возвыситъ, такимъ образомъ, ея культурный уровень и, слѣд., еще болѣе приблизитъ ее къ агитатору. Постоянная борьба возбудитъ въ ней работу

мысли; мало того, та же борьба выдвинетъ изъ массы новыя единицы, которыя могутъ стать объектомъ той же раціональной пропаганды и которыя, безъ того, остались бы затертыми въ массѣ. Послѣднее особенно вѣрно: тогда какъ при пассивномъ состояніи массы, контингентъ лицъ, изъ которыхъ можно создавать соціалистовъ, ограниченъ довольно узкими предѣлами, при активномъ движеніи, само это движеніе постоянно будетъ пополнять мѣста выбывающихъ изъ строя передовыхъ бойцовъ. Дѣло агитатора постараться, чтобы въ головѣ рабочаго зародились новыя мысли, чтобы онъ въ болѣе ясномъ свѣтѣ понималъ отношенія хозяина къ себѣ. Возбужденіе, вѣчная неудовлетворенность, вѣчное стремленіе къ улучшенію своего положенія и борьба за это улушеніе, въ то же время широкое пониманіе уже достигнутыхъ побѣдъ — къ этому долженъ вести массу агитаторъ.

При кружковой пропагандѣ были необходимы большія жертвы для достиженія ничтожныхъ результатовъ. При системѣ работы въ массѣ число жертвъ сравнительно съ достигаемымъ результатомъ уменьшается, и чѣмъ больше движеніе будетъ идти вширь и вглубь, тѣмъ труднѣе будетъ справляться съ нимъ, тѣмъ труднѣе вырывать съ корнемъ соціалистическіе элементы. Лучшій примѣръ — Польша: стачки начинаютъ получать въ ней оффиціальное признаніе, правительство не рѣшается примѣнить къ участникамъ существующіе законы. Это доказываетъ, что прямое движеніе можетъ сдѣлать недѣйствительнымъ всѣ препоны, поставленныя на его пути закономъ. Но для этого движеніе должно имѣть корни въ почвѣ. Тотъ не соціалъ-демократъ, кто своей дѣятельностью не содѣйствуетъ росту классового сознанія и революціонныхъ требованій пролетаріата.

Между тѣмъ, содѣйствовать тому или другому можно только взявшись непосредственно за возбужденіе въ массѣ движенія на экономической почвѣ и каждый шагъ въ этомъ направленіи, сокращая остающійся путь, въ то же время будетъ облегчать дальнѣйшее движеніе, будетъ устранять одно за другимъ тѣ препятствія,

которыя теперь кажутся неустранимыми и которыя мѣшаютъ даже кружковой, культурной въ сущности, работѣ и которыя для послѣдней дѣйствительно неустранимы. Въ виду всего этого, мы признаемъ необходимымъ для соціальдемократическихъ кружковъ перейти къ указанной нами въ главныхъ чертахъ программѣ, или перестать думать, что ихъ дѣятельность дѣлу развитія пролетаріата полезнѣе дѣятельности, напр., Комитета Грамотности. Опытъ, имѣющійся у такихъ кружковъ, и свѣдѣнія рабочихъ, которыхъ имъ удалось спропагандировать, сдѣлаютъ возможнымъ болѣе или менѣе раціонально начать борьбу на новыхъ основаніяхъ. Интеллигенты и рабочіе должны постоянно обсуждать, что въ данной отрасли производства въ данный моментъ должно быть выставлено, какъ предметъ агитаціи, принимая за исходный пунктъ самыя насущныя нужды рабочихъ. Далѣе будутъ выясняться тѣ средства, которыми легче всего начать борьбу (агитація, стачка, петиція инспектору и т. п.). Затѣмъ, задачей интеллигенціи должна быть выработка агитаціонной литературы, приспособленной къ условіямъ жизни данной отрасли производства или даннаго промышленнаго центра, литературѣ, которая говорила бы рабочему о его нуждахъ, и служила бы соотвѣтствующимъ дополненіемъ къ устной агитаціи. Наконецъ, интеллигенты должны стремиться придать своимъ занятіямъ съ рабочими болѣе практическій характеръ, такъ чтобы для рабочаго, получаемое имъ при занятіяхъ знаніе служило для расширенія его горизонта, а не отрывало его сразу отъ конкретной почвы въ область совершенно абстрактныхъ научныхъ положеній. Въ томъ же направленіи должна создаваться и пропагаціонная литература.

Остается сказать нѣсколько словъ о томъ, какими предѣлами должна ограничиваться дѣятельность соціальдемократовъ. Существуетъ мнѣніе, что только наиболѣе развитые фабричные центры могутъ дать почву для агитаціонной дѣятельности. И въ самомъ дѣлѣ, въ ремесленной и кустарной промышленности разрозненные и разобщенные рабочіе труднѣе могутъ объединиться

на почвѣ сознательныхъ общихъ интересовъ, да и самая общность этихъ интересовъ не такъ легко можетъ быть сознана, равно какъ и противоположность интересовъ работодателя и работника. Этому способствуетъ отсутствіе глубокаго различія въ положеніи мастера и рабочаго. Кромѣ того, рабочій сравнительно легко можетъ стать хозяиномъ или самостоятельнымъ производителемъ, вслѣдствіе чего рабочій смотритъ на свое положеніе, какъ на временное, и согласенъ приносить нѣкоторыя жертвы. Но можно-ли вывести отсюда, что борьба совершенно невозможна? Опять таки нѣтъ! Ремесленное и кустарное производство, именно какъ мелкое, даетъ нѣкоторыя преимущества въ борьбѣ.

Профессіональные рабочіе культурно болѣе развиты, чѣмъ непрофессіональные; они болѣе рѣдки и не легко могутъ быть замѣнены другими; при возможности легко открывать мастерскія, рабочіе меньше теряютъ въ случаѣ отказа отъ работы и т. д. Наконецъ, большое количество мелкихъ мастерскихъ въ одной области облегчаетъ возможность перехода отъ одного хозяина къ другому. Слѣд., если, съ одной стороны, мелкое ремесло мѣшаетъ развитію активной борьбы, то съ другой, это же ремесло помогаетъ веденію борьбы.

Если въ крупныхъ центрахъ сама жизнь выдвигаетъ рабочихъ на борьбу съ капиталистомъ, и роль агитатора лишь указывать путь, то въ мелкомъ ремеслѣ агитатору въ гораздо большей мѣрѣ приходится еще только будить рабочихъ. Зато, разъ только движеніе начнется, оно имѣетъ нѣкоторые шансы на успѣхъ. Спрашивается, необходимо-ли это? Существуетъ мнѣніе, что слѣдуетъ подождать, пока ремесла фактически не перейдутъ въ крупную промышленность, и тогда начать агитацію, а до тѣхъ поръ довольствоваться пропагандой, направленной на выработку отдѣльныхъ рабочихъ-соціалистовъ. Но не говоря о томъ, что подлежитъ сомнѣнію, слѣдуетъ-ли вообще стремиться къ созданію оторванной отъ массы рабочей интеллигенціи, противъ предлагаемой тактики можно выставить возраженія и другого рода. Дѣло въ томъ, что ремесло не перехо-

дитъ въ отрасль крупной промышленности внезапнымъ скачкомъ: переходъ совершается очень медленно и подчасъ весьма не легко опредѣлить, превратилось-ли данное ремесло или кустарное производство въ мануфактуру, или же нѣтъ. Въ процессѣ перехода больше всего страдаютъ рабочіе вслѣдствіе своей неподготовленности. Рабочіе захватываются желѣзными тисками крупнаго производства исподволь и бѣда имъ, если въ этомъ процессѣ они участвуютъ только пассивно. Страшныя страданія, матеріальная необезпеченность, безработица, постоянное уменьшеніе заработка, почти вырожденіе — вотъ что происходитъ изо дня въ день, если рабочіе сами не замѣчаютъ своего движенія по наклонной плоскости уменьшенія платы и увеличенія необезпеченности, если они собственными силами не борятся для завоеванія лучшихъ условій жизни. Бѣда рабочимъ, если взамѣнъ теряемыхъ ими на каждомъ шагу преимуществъ профессіональнаго труда, они не пріобрѣтутъ другого оружія — сознанія своихъ интересовъ, пониманія необходимости сплоченно держаться другъ за друга для успѣшной борьбы. Правда, агитація при такихъ обстоятельствахъ гораздо труднѣе, вслѣдствіе надвигающейся страшной силы, раздавливающей рабочихъ, но за то она тѣмъ важнѣе, что предотвращаетъ самыя острыя бѣдствія и тѣмъ даетъ шансы на болѣе плодотворную борьбу съ новыми условіями, когда послѣднія установятся. Мы счастливы тѣмъ, что живемъ въ такую эпоху, когда процессъ движенія такъ ясенъ, что мы можемъ предвидѣть его дальнѣйшія стадіи.

Знать этотъ процессъ, и не пользоваться знаніемъ — значило бы совершить крупную историческую ошибку. Къ тому же ошибочна мысль о возможности сильнаго рабочаго движенія въ нѣсколькихъ центрахъ. При легкой подвижности рабочихъ, провинціальные рабочіе, переводимые въ ряды безработныхъ первыми шагами капитализма, смогутъ съиграть по отношенію къ организованнымъ рабочимъ крупныхъ центровъ роль эмигрантовъ изъ менѣе культурной страны; такимъ образомъ, оставлять въ пренебреженіи рабочихъ мелкой

IOFF-GOTZ

промышленности, значитъ затруднять дѣло организаціи и борьбы крупныхъ рабочихъ центровъ. Отсюда слѣдуетъ, что лишь повсемѣстная агитація можетъ принести плодотворные результаты. По отношенію къ необъединенной еще промышленнымъ капиталомъ массѣ мы должны стремиться къ тому, чтобы капитализмъ, при своемъ завоеваніи одной отрасли производства за другой, оставилъ бы за собой не одни развалины, чтобы немедленно за его плечами поднимались ряды организованной рабочей арміи, чтобы лишенные своихъ профессіональныхъ качествъ и обращенные въ чернорабочихъ пролетаріи съумѣли противопоставить эксплуатаціи силу организаціи, силу классового самосознанія.

КОНЕЦЪ.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Брошюра „Объ агитаціи“ представляетъ собою очень интересное и совершенно новое явленіе въ нашей подпольной соціальдемократической прессѣ. Она ставитъ на очередь вопросъ, надъ которымъ, по мнѣнію ея автора, наши соціальдемократическіе кружки въ 80-хъ годахъ даже и не задумывались. Задача народно-революціонной дѣятельности и все ея содержаніе сводились для нихъ къ „выработкѣ“ соціалистическихъ убѣжденій у отдѣльныхъ личностей „путемъ сообщенія имъ теоретическихъ свѣдѣній, которыя самымъ внѣшнимъ образомъ связывались съ реальною жизнью, съ условіями, въ которыхъ жили эти личности“. Противъ такой односторонней постановки дѣла авторъ брошюры протестуетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, выдвигая на первый планъ постоянную агитацію „среди фабричныхъ рабочихъ на почвѣ мелкихъ нуждъ и требованій“. Такъ какъ брошюра эта уже въ гектографированномъ и другихъ видахъ циркулировала въ Россіи и встрѣчена была живымъ интересомъ и сочувствіемъ со стороны тяготѣющей къ соціальной демократіи молодежи, то, нужно полагать, авторъ выразилъ въ ней не только свои индивидуальные взгляды, но и стремленія значительной части активныхъ элементовъ этой фракціи. Другими словами, брошюра является выраженіемъ или отраженіемъ новаго, и притомъ интенсивнаго, теченія въ нашемъ соціальдемократическомъ движеніи. А если такъ, то ее приходится считать явленіемъ прямо знаменательнымъ, признакомъ углубленія и расширенія русла этого движенія, симптомомъ приближенія перехода его въ боевой революціонный фазисъ. Впрочемъ, послѣ извѣстныхъ проявленій дѣятельности петербургскихъ со-

ціальдемократовъ въ концѣ истекшаго и началѣ нынѣшняго года мое замѣчаніе относительно симптоматическаго значенія брошюры теряетъ уже свой характеръ простого предположенія.

Считаю, однако, небезполезнымъ отмѣтить здѣсь, что постановка и само рѣшеніе вопроса, составляющее содержаніе брошюры, переносятъ насъ въ давнопрошедшія времена, въ эпоху господства у насъ бакунизма. Наше движеніе въ началѣ 70-хъ годовъ отличалось тѣми же отрицательными сторонами, какія авторъ брошюры видитъ въ русской соціальдемократической практикѣ 80-хъ годовъ. Но онѣ очень скоро, уже въ серединѣ того-же десятилѣтія, вызвали противъ себя рѣзкій протестъ подъ флагомъ ученій Бакунина. И эти послѣднія пріобрѣли у насъ, какъ извѣстно, на нѣсколько лѣтъ господство надъ умами революціонной интеллигенціи. Только лавристы продолжали до самаго конца своего прозябательнаго существованія придерживаться абстрактно-просвѣтительныхъ пріемовъ распространенія соціализма „въ народѣ".

Что-же противопоставляли бакунисты этимъ пріемамъ? Во имя какой тактики, какого лозунга отвергали они ихъ?

Главнѣйшую свою задачу они видѣли въ томъ, чтобы „*явиться иниціаторами въ дѣлѣ организаціи народныхъ силъ*"*). Но „организаціи массовыя создаются, главнымъ образомъ, или вѣрнѣе, исключительно, *агитаціонными* средствами: злоба дня — вотъ ихъ существенная точка отправленія, агитація противъ наиболѣе гнетущихъ видовъ государственной и экономической эксплуатаціи — вотъ ихъ жизненное начало, идти впереди мѣстнаго населенія во всякомъ протестѣ, мирномъ или вооруженномъ — такова ихъ основная задача"**). Поэтому бакунисты, вполнѣ послѣдовательно, приписывали причину неудачъ первыхъ шаговъ нашего движенія въ

*) Я. Стефановичъ. Наши задачи въ селѣ. „Община", №№ 8 и 9, 1878 года.

**) П. Аксельродъ. Переходный моментъ нашей партіи, — въ томъ же номерѣ „Общины".

70-хъ годахъ тому обстоятельству, что „мы игнорировали мѣстныя условія и интересы, непосредственно задѣвающія крестьянъ" (Стефановичъ). Организаціонная дѣятельность, заявляетъ тотъ же бунтарь дальше, „можетъ быть успѣшной только при знаніи мѣстныхъ особенностей народной жизни, при пониманіи причинъ мѣстнаго недовольства. Опираясь на сознанныя данной мѣстностью условія, приспособляясь къ нимъ въ своихъ пріемахъ, мы станемъ на твердую почву, какъ организаторы крестьянства".

Какъ видите, въ вопросахъ о значеніи агитаціи „тактическіе" взгляды бакунистовъ тѣ же, что и у нашего автора. И понятно, почему. Логическая нить, приведшая его къ предлагаемой и защищаемой имъ тактикѣ, беретъ свое начало въ томъ воззрѣніи соціальной демократіи, по которому освобожденіе рабочаго класса должно быть дѣломъ его собственныхъ организованныхъ усилій на почвѣ неустанной борьбы за свои интересы. Но бакунистская теорія „пропаганды дѣйствіемъ", вовлеченія народныхъ массъ въ движеніе противъ существующаго строя и сплоченія ихъ въ революціонную силу при помощи мелкихъ бунтовъ и всевозможныхъ „протестовъ", представляетъ собою въ сущности не что иное, какъ болѣе примитивное выраженіе того же соціальдемократическаго воззрѣнія, сложившееся въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ революціонныхъ традицій пройденныхъ уже историческихъ эпохъ. Эта примитивность и была, пожалуй, причиной того, что бакунистская формулировка и мотивировка упомянутаго воззрѣнія оказалась революціонерамъ такой отсталой страны, какъ Россія двадцать-два года тому назадъ, гораздо болѣе по плечу, чѣмъ соціальдемократическая. Грубая оболочка, подъ которой она проникла къ намъ, не помѣшала ему, однако, привести революціонную интеллигенцію къ сознанію необходимости построить программу своей дѣятельности „на дѣйствительно ощущаемыхъ рабочимъ классомъ (въ переводѣ на языкъ народниковъ: крестьянства) нуждахъ". Это сознаніе стало въ 76-77 годахъ общимъ достояніемъ наиболѣе дѣятельныхъ и вліятель-

ныхъ кружковъ. Такъ что я имѣю полное основаніе утверждать, что если бы въ разсматриваемый моментъ кружки эти какимъ нибудь чудомъ заразились соціалдемократическими теоріями, то послѣднія никоимъ образомъ не превратились бы въ ихъ рукахъ „въ абстрактную теорію, болѣе всего боящуюся спуститься съ заоблачныхъ высотъ научнаго обобщенія". Но теоріи эти не нашли себѣ тогда прохода въ наши головы, за то сама бунтарская теорія Бакунина привела нѣкоторыхъ изъ насъ почти что къ соціальдемократической *практикѣ*.

Въ той средѣ, къ которой бакунизмъ у насъ спеціально пріурочивался, въ крестьянствѣ, его практическіе взгляды примѣнены были съ большимъ организаціоннымъ смысломъ всего только одинъ разъ, — именно Стефановичемъ и Дейчемъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, по поводу возникшихъ тамъ волненій. Это было приблизительно въ серединѣ 70-хъ годовъ. Тактическій пріемъ, употребленный ими при этомъ, встрѣченъ былъ неодобрительно со стороны большинства бакунистовъ. Во всякомъ случаѣ, о другихъ аналогичныхъ попыткахъ примѣненія бакунистской „тактики" я не слыхалъ, если не считать за таковыя поселенія народниковъ въ деревняхъ, съ разсчетомъ изучить и подготовить мѣстныя условія для организаціи „мелкихъ бунтовъ" или протестовъ. За то въ Петербургѣ бунтари начинаютъ въ теченіе второй половины 70-хъ годовъ примѣнять методъ „пропаганды дѣйствіемъ" среди городскихъ рабочихъ*). Въ 1876 и 1877 годахъ при ихъ содѣйствіи устраиваются двѣ демонстраціи, а въ 1878 году нѣкоторые изъ нихъ уже руководили рабочими въ цѣломъ рядѣ стачекъ, вспыхнувшихъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ въ Петербургѣ. И въ то время, когда лозунгомъ первой рабочей демонстраціи, около Казанскаго Собора, служилъ народническій девизъ „Земля и Воля", въ этихъ движеніяхъ дѣло шло о нуждахъ спеціально „ощущаемыхъ рабочимъ классомъ" и о соотвѣтственныхъ имъ „мелкихъ требованіяхъ", какъ

*) Г. Плехановъ. Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи.

напр., повышеніе заработной платы, сокращеніе рабочаго дня, отмѣны штрафовъ и т. п. Какъ разсказываетъ Плехановъ*), принимавшій дѣятельное участіе въ вызванныхъ стачками волненіяхъ, землевольцы, благодаря своимъ политическимъ воззрѣніямъ, не воспользовались надлежащимъ образомъ этими волненіями въ интересахъ политическаго воспитанія рабочихъ. Но съ формальной стороны, тактика бунтарей въ данномъ случаѣ можетъ выдержать самую строгую критику любого соціальдемократа, — конечно, революціонера, а не доктринера или схоластика. Но что особенно важно, такъ это толчекъ, данный стачками, мысли наиболѣе вдумчивыхъ изъ бакунистовъ-народниковъ, толчекъ, отразившійся въ ихъ главномъ органѣ. „Передовая статья № 4 ‚Земли и Воли', вышедшаго въ свѣтъ 20 февраля 1879 года", разсказываетъ Плехановъ въ своихъ воспоминаніяхъ, „цѣликомъ посвящена вопросу о роли городскихъ рабочихъ въ боевой народно-революціонной организаціи". Это уже само по себѣ было знаменательно. „Вопросъ о городскомъ рабочемъ", сказано въ этой статьѣ, „принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые, можно сказать, самою жизнью самостоятельно выдвигаются впередъ на подобающее имъ мѣсто, *вопреки апріорнымъ теоретическимъ рѣшеніямъ* революціонныхъ дѣятелей" (курсивъ въ текстѣ). Въ той же статьѣ авторъ ея, Плехановъ, рѣзко осуждаетъ абстрактный, по преимуществу просвѣтительный характеръ пропаганды лавристовъ. Чтеніямъ „о каменномъ періодѣ или о планетахъ небесныхъ" онъ противополагаетъ агитацію во имя повседневныхъ нуждъ и наиболѣе назрѣвшихъ мелкихъ требованій. Да и сама пропаганда, т. е. „выработка соціалистовъ, должна, по его мнѣнію, исходить изъ этихъ же нуждъ и требованій**). Замѣчу мимоходомъ, что этимъ собственно впервые ясно указанъ былъ путь для

*) Въ названномъ выше произведеніи.

**) Самой статьи Плеханова въ „Землѣ и Волѣ" мнѣ читать не приходилось, а потому резюмирую ее на основаніи устной передачи мнѣ содержанія ея. Цитата же взята мною изъ названной уже брошюры „Русскій рабочій въ рев. движеніи".

установленія органической, живой связи между дѣятельностью пропагандистской, въ тѣсномъ смыслѣ слова, и работой агитаціонной. И „выработка соціалистовъ“ (выраженіе Стефановича) должна была, такимъ образомъ, потерять характеръ чисто „теоретической пропаганды“ и превратиться въ непосредственное орудіе для подготовки сознательныхъ агитаторовъ-борцовъ.

Къ чему, однако, вело послѣдовательное примѣненіе рекомендованнаго редакторомъ „Земли и Воли“ метода дѣятельности среди рабочихъ? Это, можно сказать, уже заранѣе показалъ „Сѣверно-русскій рабочій союзъ“, основанный около полугода до появленія цитированной только-что статьи. Программа этого Союза представляла собою въ практической своей части *обобщеніе* тѣхъ именно наиболѣе насущныхъ нуждъ и „мелкихъ требованій рабочаго класса“, которыя должны были, по мысли Плеханова, служить основой для пропаганды и агитаціи въ средѣ городского пролетаріата. Толчкомъ же для образованія названной рабочей организаціи послужили петербургскія стачки 1878 года, вызванныя этими нуждами. И дальнѣйшее, систематическое участіе въ такихъ движеніяхъ, безъ сомнѣнія, только укрѣпило бы ее въ сознаніи вѣрности пути, на который она вступила. Но путь этотъ велъ уже въ сторону, противоположную бакунизму. Программа, съ *соціалистической* точки зрѣнія, обобщающая спеціальныя нужды и потребности рабочаго класса въ рядѣ ближайшихъ требованій отъ государства и общества, — практически, по крайней мѣрѣ, уже ближе къ соціальдемократизму, чѣмъ къ бакунизму. Замѣчательно, что программа „Сѣверно-русскаго рабочаго союза“ заключаетъ въ себѣ требованіе *политической свободы*, какъ необходимаго условія дальнѣйшаго развитія рабочаго движенія. Приблизительно черезъ годъ послѣ образованія рабочаго союза на сѣверѣ, въ Одессѣ, уже по иниціативѣ нѣкоторыхъ изъ самихъ „интеллигентовъ“-бунтарей основанъ былъ и „Южно-русскій рабочій союзъ“ съ программой, въ которой также отведено было широкое мѣсто такъ-называемымъ „ближайшимъ требованіямъ“. Въ ней на-

роднически-бакунистскихъ тенденцій было, конечно, гораздо больше, чѣмъ въ программѣ „Сѣвернаго Союза“. Но вотъ что характерно. Рабочіе, хотя и призывались къ подготовленію аграрной революціи, но ужъ отнюдь не во имя ихъ сельскихъ связей и земельныхъ интересовъ, а исключительно, или главнымъ образомъ, въ виду прямой зависимости положенія городскихъ пролетаріевъ отъ жизненныхъ условій крестьянства. И исходя, такимъ образомъ, изъ классовыхъ интересовъ*) и наиболѣе острыхъ видовъ гнета, которому подвергаются городскіе пролетаріи, основатели этого союза тоже — и какъ бы противъ своего собственнаго теоретическаго сознанія — внесли въ программу требованіе общаго и прямого избирательнаго права, свободы печати, сходокъ, собраній и т. д. Но этимъ они, какъ и „Сѣверный Союзъ“, уже явно перешагнули за черту, отдѣлявшую практику бакунизма отъ практики соціальной демократіи. А между тѣмъ, въ теоріи, — а въ извѣстной степени и на практикѣ, — они оставались бакунистами. Черезъ какой же логическій мостъ удалось имъ совершить такой своеобразный скачекъ? Такимъ мостомъ послужилъ для нихъ не что иное, какъ ихъ бунтарскія тенденціи, перенесенныя на почву интересовъ городского пролетаріата. Здѣсь, представленіе о „мѣстныхъ“ нуждахъ, какъ средствѣ для революціоннаго воспитанія народныхъ массъ, видоизмѣнилось въ представленіе „объ агитаціи среди фабричныхъ рабочихъ на почвѣ существующихъ мелкихъ нуждъ и требованій“, какъ о средствѣ для той же цѣли. А стремленіе *систематически* примѣнить на практикѣ это средство привело къ обобщенію „мелкихъ нуждъ и требованій“, подъ видомъ „поводовъ къ агитаціи“, въ спеціальный отдѣлъ программы, придавшій ей, если не вкусъ, то цвѣтъ и запахъ соціальдемократическій.

Конечно, до вполнѣ соціальдемократическаго направленія оставалось отсюда еще громадное разстояніе. Но

*) Терминологіи, впрочемъ, не помню; я передаю только общій смыслъ и тенденцію программы и объяснительной къ ней записки.

не въ этомъ теперь дѣло. Гораздо интереснѣе для насъ въ данную минуту тотъ фактъ, что первые русскіе соціальдемократы, въ большей или меньшей степени, прошли очерченную эволюцію и, благодаря ей главнымъ образомъ, восприняли соціальдемократизмъ (и марксизмъ, конечно) съ самаго начала, какъ ученіе конкретное, боевое. Еще прежде, чѣмъ они усвоили теоретическіе взгляды марксизма, они, уже въ теоретическихъ рамкахъ бакунизма, стали чуть не на три-четверти соціальдемократами. Кромѣ того, въ моментъ выступленія „Группы Освоб. Труда" на литературное поприще, вообще для всей активной революціонной интеллигенціи вопросы объ относительномъ значеніи пропаганды и агитаціи были уже давно рѣшены; горячо спорить о нихъ въ то время было бы такъ же странно, какъ въ обществѣ естествоиспытателей — о томъ, что наблюденіе и опытъ составляютъ необходимѣйшее элементарное условіе успѣховъ естествознанія. Разногласія происходили совсѣмъ въ другой сферѣ. Поэтому-то, уже въ первыхъ изданіяхъ „Гр. О. Т." — въ брошюрахъ „Соціализмъ и Политич. Борьба" и „Наши Разногласія" Плеханова — мысль о первостепенномъ значеніи агитаціи играетъ роль аксіомы, основного практическаго положенія, само собою подразумѣвающагося. И такимъ же характеромъ отличается отношеніе къ агитаціи во всѣхъ, даже популярныхъ изданіяхъ „Гр. О. Т.". Только въ брошюрѣ „О задачахъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ" Плехановъ коснулся вопроса о взаимномъ отношеніи агитаціи и пропаганды, причемъ резюмировалъ свой взглядъ на него въ слѣдующихъ словахъ: „Пропагандистъ даетъ *много* идей одному лицу или нѣсколькимъ лицамъ, а агитаторъ даетъ *только одну* или *только нѣсколько идей*, но зато онъ даетъ ихъ *цѣлой массѣ лицъ*, иногда чуть ли не цѣлому населенію данной мѣстности. Но исторія дѣлается массой, слѣдовательно, агитація есть цѣль пропаганды" (стр. 58).

Достаточны-ли, однако, „тактическія" воззрѣнія, выработанныя русскимъ бакунизмомъ, для соціальной демократіи? Можетъ-ли положеніе о первостепенной важности агитаціи въ народѣ на почвѣ наиболѣе остро ощущаемыхъ имъ нуждъ само по себѣ служить руководящей основой для тактики революціоннаго авангарда пролетаріата?

Далеко нѣтъ! Отъ этого положенія до соціальдемократической тактики приблизительно еще такое же разстояніе и столько же ступеней, сколько отъ элементарнаго правила, требующаго точнаго наблюденія и анализа фактовъ, до строгой научной методы. Выработанная народнически-бакунистскимъ періодомъ точка зрѣнія на пропаганду и агитацію сама по себѣ слишкомъ элементарна, чтобы удовлетворять сложнымъ задачамъ движенія, теоретически опирающагося на научный соціализмъ. Бакунисты и лавристы игнорировали историческое *движеніе* буржуазнаго общества и взаимныя отношенія составныхъ элементовъ господствующихъ классовъ. Элементы эти сливались въ ихъ представленіи въ недифференцированное меньшинство *угнетателей*, равно какъ эксплуатируемые классы, въ свою очередь, сливались — въ безразличную *угнетаемую* „народную" массу. Въ этой массѣ они видѣли исторически самодовлѣющій, автономный факторъ, связанный съ общественнымъ и государственнымъ строемъ не узами органическаго развитія, а исключительно грубымъ, физическимъ насиліемъ угнетателей и эксплуататоровъ. Другихъ точекъ соприкосновенія между богатыми и бѣдными, высшими и низшими классами революціонеры бакунистскаго періода совсѣмъ или почти совсѣмъ не признавали. Отсюда — почти полное равнодушіе ихъ къ внутреннимъ отношеніямъ эксплуататорскихъ слоевъ, къ потребностямъ и стремленіямъ этихъ слоевъ и прямо или косвенно заправляемой ими государственной организаціи. Какое имъ было дѣло до всего этого? Подобно мыслителямъ утопическаго соціализма, русскіе бунтари и лавристы интересовались „буржуазнымъ" обществомъ, исключительно какъ объектомъ порицанія и отрицанія въ самомъ узкомъ и непосредственномъ смыслѣ. Только первые отрицали во имя выработанныхъ ими проектовъ новаго общественнаго строя, а баку-

писты — во имя сохранившихся въ народныхъ массахъ инстинктовъ и неясно формулированныхъ идеаловъ всеобщаго равенства и братства. Отвлеченный, отрицательно-индифферентный взглядъ на внутреннія отношенія буржуазнаго общества и на ихъ эволюцію дополнялся у бунтарей попросту практическимъ стремленіемъ, если можно такъ выразиться, къ одноактному разрушенію — посредствомъ всенароднаго бунта — всего соціальнаго и государственнаго зданія*). Впрочемъ, и они находили нужнымъ считаться съ исторической дѣйствительностью, но не съ живой, настоящей и развивающейся, а съ *прошлой*, точнѣе, — съ вымирающими продуктами ея, съ уцѣлѣвшими остатками „народныхъ формъ производства" и миѳическимъ „народнымъ идеаломъ". Такъ какъ программа бунтарей-народниковъ запоздала своимъ появленіемъ, по меньшей мѣрѣ, лѣтъ на двѣсти, то она и не могла получить сколько-нибудь замѣтнаго примѣненія на практикѣ. Мы не можемъ, поэтому, судить, какое дальнѣйшее развитіе приняли бы ихъ тактическія воззрѣнія.

Но несомнѣнно одно: эти воззрѣнія находились въ относительной гармоніи съ общими историческими, вѣрнѣе, антиисторическими и соціально-политическими взглядами народниковъ-революціонеровъ; между элементарностью первыхъ и примитивностью вторыхъ существовала, такъ сказать, логическая соразмѣрность; прямолинейность однихъ соотвѣтствовала первобытной простотѣ другихъ.

Совершенно иной характеръ принимаетъ постановка тактическихъ вопросовъ съ точки зрѣнія соціальной демократіи. Эта точка зрѣнія есть историческая по преимуществу. Свою программу соціальная демократія „строитъ" не на разлагающихся продуктахъ прошлаго и не на дикомъ отчаяніи „не испорченныхъ цивилиза-

*) Лавристы мечтали въ сущности о такомъ же скачкѣ изъ современной Россіи прямо въ царство коммунизма, только подготовленномъ не бунтарской и агитаціонной дѣятельностью, а мирной пропагандой. Они представляли собою родъ Маниловыхъ коммунизма.

ціей" массъ, а на историческомъ *движеніи* всего соціальнаго организма, на возникающихъ и развивающихся внутри его отношеніяхъ и потребностяхъ, и иногда даже на тѣхъ изъ нихъ, которыя *непосредственно* касаются, главнымъ образомъ, только высшихъ классовъ. „Въ той же самой степени, въ какой развивается буржуазія, развивается и пролетаріатъ" (Манифестъ коммунистич. партіи), развиваются и матеріальныя, политическія и интеллектуальныя средства борьбы за его освобожденіе. Точки опоры и средства для этой борьбы создаются развитіемъ потребностей самой буржуазіи и ея усиліями удовлетворить ихъ, посредствомъ соотвѣтственныхъ учрежденій и подъема культурной и промышленно-торговой техники.

Таковы, въ самыхъ общихъ чертахъ, руководящія основанія для соціальдемократической практики. Исходя изъ нихъ, русскимъ соціальдемократамъ слѣдуетъ за рѣшеніемъ вопросовъ, относящихся къ задачамъ и тактикѣ нашего рабочаго движенія, обратиться прежде всего къ конкретнымъ историческимъ условіямъ развитія нашей буржуазіи и нашего пролетаріата въ *современномъ* фазисѣ ихъ существованія. Въ этихъ условіяхъ имъ надо найти *практическій* лозунгъ движенія, осуществимую на теперешней ступени развитія русскаго народа цѣль, которая должна стать главнымъ фокусомъ усилій русской соціальдемократіи въ настоящее время.

Эта точка зрѣнія чужда была въ 80-хъ годахъ той части нашей молодежи, которая начала тогда группироваться подъ знаменемъ марксизма. Да и вообще тактическіе вопросы въ строгомъ смыслѣ слова не интересовали ее въ то время. Мысль ея поглощена была работой усвоенія наиболѣе общихъ, основныхъ положеній научнаго соціализма, и въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которыя характеризуютъ и опредѣляютъ, если можно такъ выразиться, космополитическія тенденціи капитализма, и притомъ капитализма промышленнаго, т. е. на высшихъ ступеняхъ его развитія. Правительственная и общественная реакція, въ самомъ разгарѣ которой зародилось новое, соціальдемократическое, теченіе, задер-

жала его дольше, чѣмъ это было бы желательно, въ этомъ подготовительномъ фазисѣ, отличительной чертой котораго являлось отвлеченное теоретизированіе въ кругу „марксистской“ молодожи и абстрактная пропаганда среди избранныхъ единицъ рабочаго класса. При такомъ зачаточномъ состояніи движенія тактическіе вопросы не могли имѣть сколько-нибудь серьезнаго практическаго значенія. Понятно также, что и почему вопросъ объ основномъ принципіальномъ значеніи агитаціи долженъ былъ занять центральное мѣсто и поглотить главное вниманіе соціальдемократическихъ кружковъ только тогда, когда они почувствовали, что результаты ихъ дѣятельности переросли узкія рамки предыдущаго фазиса движенія. Вопросы тактики пріобрѣтаютъ жизненное значеніе лишь тамъ, гдѣ дѣло идетъ о борьбѣ и организаціи силъ для нея, а въ кругу молодыхъ піонеровъ нашего движенія въ прошломъ десятилѣтіи мысль о необходимости выступленія на боевой путь еще не возникала. Слѣдовательно, прежде всего нужно было подвергнуть строгой критикѣ одностороннее пропагандистское направленіе перваго фазиса соціальдемократическаго движенія и провозгласить и обосновать необходимость перехода къ агитаціи въ массахъ на почвѣ ихъ повседневныхъ нуждъ и потребностей. Это и сдѣлано авторомъ произведенія, по поводу котораго пишутся эти строки. Его задача и рамки ея напередъ опредѣлены критикуемымъ имъ характеромъ дѣятельности нашихъ пропагандистовъ въ прошломъ десятилѣтіи.

Но то, что приходилось доказывать и обосновывать еще въ срединѣ текущаго десятилѣтія, перешло теперь въ общее сознаніе русскихъ соціальдемократовъ; то, къ чему такъ горячо стремился нашъ авторъ, стало фактомъ. И именно поэтому, общія положенія, исчерпывающія содержаніе его брошюры, въ свою очередь, стали слишкомъ узки и односторонни для нашего движенія. Боевой характеръ послѣдняго выдвигаетъ на очередь вопросы тактики, требуетъ постановки вопроса о нашихъ практическихъ задачахъ и средствахъ къ ихъ

выполненію на возможно болѣе конкретную, т. е. національно-историческую почву русской дѣйствительности. Въ періодъ исключительно пропагандистскій можно было еще съ грѣхомъ пополамъ игнорировать особенности этой почвы и насущные, *общенаціональные* запросы, порождаемые ею. Говорю: „съ грѣхомъ пополамъ“ потому, что и на пропагандѣ такое отношеніе къ національно-исторической средѣ отразилось вреднымъ образомъ. Авторъ видитъ въ пропагандѣ, не сопровождаемой агитаціей, большое зло. Но концентрація силъ на ней одной обусловлена была обстоятельствами, въ которыхъ первые соціальдемократы неповинны были ни душой, ни тѣломъ. Отсюда, однако, никакъ не слѣдуетъ, что пропаганда ихъ непремѣнно должна была отличаться абстрактнымъ характеромъ и сводиться къ разъясненію теоретическихъ положеній и ученій, лишь внѣшнимъ образомъ связанныхъ съ реальною жизнью. Она могла бы упираться обѣими ногами въ эту жизнь, не смотря на то, что ограничивалась бы только „теоретической подготовкой“ соціалистическихъ убѣжденій у отдѣльныхъ личностей. Но этому *логически* препятствовало отсутствіе исторической конкретности во взглядахъ нашихъ пропагандистовъ въ разсматриваемый періодъ на соціально-политическую среду и положеніе нашего пролетаріата въ ряду другихъ классовъ населенія. Они считались лишь съ фактомъ выступленія Россіи на путь капитализма, но игнорировали болѣе или менѣе то обстоятельство, что эпоха крупной промышленности началась и продолжается еще у насъ въ атмосферѣ соціальнаго броженія, совершавшагося на Западѣ втеченіе вѣковъ и закончившагося къ тому времени, когда тамъ наступила эта эпоха. А между тѣмъ, сосуществованіе на русской почвѣ исторически разнокачественныхъ фазисовъ капитализма является однимъ изъ важнѣйшихъ моментовъ, обусловливающихъ положеніе русскаго пролетаріата, а слѣдовательно, и ближайшія практическія задачи его идеологовъ. Успѣхи промышленнаго капитализма въ Россіи представляютъ собою достаточное историческое основаніе для возникновенія въ ней рабочаго

движенія; но цѣли и средства послѣдняго обусловливаются не только непосредственнымъ антагонизмомъ промышленныхъ пролетаріевъ и ихъ прямыхъ эксплуататоровъ, но и національно-историческими особенностями соціальной среды, въ которой антагонизмъ этотъ развивается у насъ. И эти-то особенности безсознательно игнорировались нашей марксистской молодежью въ прошломъ десятилѣтіи. Абстрактная точка зрѣнія на русскую дѣйствительность породила абстрактную пропаганду, а не наоборотъ, какъ, повидимому, склоненъ думать нашъ авторъ.

Какъ бы то ни было, — до тѣхъ поръ, пока вся дѣятельность соціальдемократовъ ограничивалась „теоретической подготовкой" отдѣльныхъ личностей изъ рабочаго класса, указанный недостатокъ въ ихъ воззрѣніяхъ, если и вредилъ развитію новаго соціальдемократическаго теченія, то все же не убивалъ въ корнѣ его жизнеспособности. Но тотъ же недостатокъ можетъ совершенно парализовать наше движеніе въ его новомъ фазисѣ, на почвѣ агитаціи. А между тѣмъ онъ оставилъ слѣдъ и въ умахъ теперешней соціальдемократической молодежи — слѣдъ, отчасти замѣтный и въ произведеніи нашего автора. Подобно пропагандистамъ прошлаго десятилѣтія, онъ выводитъ свою „программу дѣятельности" прямо и непосредственно изъ самыхъ общихъ положеній научнаго соціализма. И опять-таки совершенно въ духѣ воззрѣній критикуемаго авторомъ фазиса нашего движенія, онъ пріурочиваетъ программу и тактику соціальдемократіи къ прямолинейно рисуемому имъ процессу развитія антагонизма между промышленными пролетаріями и ихъ эксплуататорами, а эти послѣдніе незамѣтно сливаются въ его представленіи со всѣмъ классомъ буржуазіи.*) Антагонизмъ рабочихъ и

*) Мнѣ кажется, что вообще схема развитія рабочаго движенія, рисуемая авторомъ, не совсѣмъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Такъ напр., никакъ нельзя согласиться съ замѣчаніемъ автора, что на высшей ступени освободительнаго движенія пролетаріата самооборона капиталистовъ противъ него отличается особенной безстрастнчивостью и явнымъ насильственнымъ характеромъ своихъ

капиталистовъ даже на Западѣ далеко не въ такомъ упрощенномъ видѣ, какъ нѣкоторые думаютъ, является *самодовлѣющимъ*, единственнымъ факторомъ, опредѣляющимъ положеніе пролетаріата и практическія задачи соціальной демократіи. Тѣмъ менѣе дозволительно разсматривать взаимныя отношенія промышленныхъ капиталистовъ и рабочихъ, какъ самодовлѣющій факторъ, въ современной Россіи, находящейся на совершенно другой ступени не только политическаго, но и соціально-экономическаго развитія, чѣмъ капиталистическія страны

средствъ. Фактическая исторія этого движенія показываетъ, что на дѣлѣ такими чертами характеризуются именно первыя его стадіи, тогда какъ дальнѣйшій, *поступательный ходъ* его сопровождается большимъ или меньшимъ вытѣсненіемъ грубыхъ, варварскихъ формъ борьбы капитала противъ труда сравнительно цивилизованными формами и пріемами. Къ такому заключенію можно придти также и a priori.

Первые фазисы рабочаго движенія совпадаютъ обыкновенно съ концомъ эпохи первоначальнаго накопленія или съ порубежнымъ періодомъ между нею и эпохой полнаго господства промышленнаго капитализма. Безправіе народныхъ массъ и варварскій характеръ всей системы „накопленія капитала" естественно обусловливаютъ и соотвѣтствующіе методы сопротивленія требованіямъ рабочихъ. Дальнѣйшій прогрессъ капитализма сопровождается, между прочимъ, водвореніемъ элементарной „порядочности", своего рода цивилизаціи въ сферѣ экономическихъ сдѣлокъ, съ одной стороны, и демократизаціей политическихъ правъ, съ другой. И то, и другое не можетъ не способствовать извѣстному смягченію первоначальныхъ формъ борьбы труда и капитала. Еще больше и непосредственнѣе въ томъ же направленіи должна дѣйствовать сама эта борьба, разъ она, по предположенію автора, углубляется и расширяется до того, что капиталисты становятся уже не въ силахъ справиться съ нею своими частными средствами. Поступательный ходъ рабочаго движенія не можетъ не сопровождаться кореннымъ измѣненіемъ взглядовъ и привычекъ господствующихъ классовъ относительно рабочихъ въ смыслѣ постепеннаго признанія за ними, какъ за свободными гражданами, такого же права отстаивать свои интересы, какимъ пользуются сами эти классы.

Еще одно, по моему, умѣстное замѣчаніе. Авторъ смѣшиваетъ или недостаточно строго различаетъ два момента въ политическомъ развитіи пролетаріата, и вслѣдствіе этого приходитъ къ не совсѣмъ правильному заключенію, будто въ Англіи „до сихъ поръ еще большинство (рабочихъ) сторонится отъ активной политической борьбы". Заключеніе это справедливо, поскольку авторъ имѣетъ въ виду борьбу за „достиженіе политической власти". Но въ дальнѣйшемъ

Запада. Такъ какъ я въ другой работѣ, спеціально посвященной вопросу о тактикѣ, подробно касаюсь этого предмета, то могу ограничиться только-что изложенными общими замѣчаніями.

Сказаннымъ отнюдь не умаляется значеніе перепечатаемаго нами произведенія „Объ агитаціи". Появленіе его знаменовало собою наступленіе новаго періода въ нашемъ движеніи. Замѣчанія автора относительно сущности и значенія агитаціи въ массахъ были новы и оригинальны для тѣхъ товарищей, къ которымъ онъ обращается, и сохраняютъ свою силу и для нашего времени. Что же касается нѣсколько абстрактнаго характера посылокъ, изъ которыхъ онъ исходитъ, а отчасти и односторонней постановки вопроса о тактикѣ русской соціальдемократіи, то это не его вина. Ему пришлось считаться съ „наслѣдіемъ прошлаго", благодаря которому необходимо было прежде всего выяснить и установить *принципіальное* значеніе агитаціи „на почвѣ мелкихъ нуждъ и требованій", какъ средства прямого воздѣйствія партіи на рабочія массы. Но теперь, когда работа эта уже сдѣлана и русская соціальдемократія на практикѣ вступила на путь, указанный авторомъ, пора и даже необходимо пойти дальше и поставить тактическіе вопросы на исторически вполнѣ конкретную и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе широкую почву. Агитація, въ смыслѣ автора, вращается исключительно въ той же

изложеніи этотъ моментъ политической борьбы незамѣтнымъ образомъ сливается у него съ борьбой за пріобрѣтеніе и расширеніе политическихъ правъ. Но между той и другой существенная разница. Первая предполагаетъ организацію пролетаріата въ самостоятельную партію, послѣдняя же можетъ вестись рабочими подъ флагомъ и въ рядахъ буржуазной демократіи. Это и имѣло мѣсто въ Англіи, а до недавняго времени и во Франціи и Швейцаріи. Только въ Германіи и въ Австріи пролетаріату удалось чуть не съ первыхъ шаговъ своей исторически-активной дѣятельности стать и въ сферѣ политическихъ вопросовъ на собственныя ноги и обратить, такимъ образомъ, борьбу за политическую свободу въ непосредственное орудіе для борьбы за политическую власть. Этимъ, замѣчу кстати, опровергается общее положеніе автора, что политическое развитіе рабочаго класса *всецѣло* совпадало и совпадаетъ съ ходомъ „экономической борьбы" рабочихъ съ капиталистами.

сферѣ, какъ и пропаганда: непосредственнымъ объектомъ ея являются одни лишь рабочіе, а ея единственной цѣлью служитъ воздѣйствіе партіи на ихъ мысль и волю и разумѣется, въ ихъ интересахъ. Тактика же въ широкомъ смыслѣ имѣетъ цѣлью не только увеличеніе числа приверженцевъ партіи внутри представляемаго ею класса, не только организацію его для борьбы противъ угнетателей, но и эксплуатацію взаимныхъ отношеній и потребностей другихъ классовъ въ интересахъ обезпеченія и увеличенія оборонительныхъ и наступательныхъ средствъ, необходимыхъ ему для этой борьбы. Съ этой точки зрѣнія, одной изъ важнѣйшихъ задачъ русской соціальдемократіи является пріобрѣтеніе пролетаріату союзниковъ и симпатіи въ средѣ тѣхъ слоевъ населенія и ихъ идеологическихъ представителей, которые терпятъ отъ общественно-политическаго строя современной Россіи и заинтересованы въ ея прогрессивномъ движеніи. Эта задача является однимъ изъ важнѣйшихъ моментовъ, которыми должна опредѣляться тактика русскихъ соціальдемократовъ, потому что игнорированіе ея можетъ повлечь за собою если не истощеніе силъ движенія, то крайнее замедленіе ихъ роста и развитія. Развившаяся же въ 80-хъ годахъ привычка относиться, какъ къ историческимъ quantités negligeables ко всѣмъ явленіямъ русской жизни, непосредственно не входящимъ въ кругъ взаимныхъ отношеній капиталистовъ и рабочихъ, — эта привычка заключаетъ въ себѣ обратную тенденцію: тенденцію къ политическому изолированію нашлго пролетаріата. Отъ нея, слѣдовательно, русскимъ соціальдемократамъ необходимо прежде всего радикально избавиться.

П. Аксельродъ.

движенія; но цѣли и средства послѣдняго обусловливаются не только непосредственнымъ антагонизмомъ промышленныхъ пролетаріевъ и ихъ прямыхъ эксплуататоровъ, но и національно-историческими особенностями соціальной среды, въ которой антагонизмъ этотъ развивается у насъ. И эти-то особенности безсознательно игнорировались нашей марксистской молодежью въ прошломъ десятилѣтіи. Абстрактная точка зрѣнія на русскую дѣйствительность породила абстрактную пропаганду, а не наоборотъ, какъ, повидимому, склоненъ думать нашъ авторъ.

Какъ бы то ни было, — до тѣхъ поръ, пока вся дѣятельность соціальдемократовъ ограничивалась „теоретической подготовкой" отдѣльныхъ личностей изъ рабочаго класса, указанный недостатокъ въ ихъ воззрѣніяхъ, если и вредилъ развитію новаго соціальдемократическаго теченія, то все же не убивалъ въ корнѣ его жизнеспособности. Но тотъ же недостатокъ можетъ совершенно парализовать наше движеніе въ его новомъ фазисѣ, на почвѣ агитаціи. А между тѣмъ онъ оставилъ слѣдъ и въ умахъ теперешней соціальдемократической молодежи — слѣдъ, отчасти замѣтный и въ произведеніи нашего автора. Подобно пропагандистамъ прошлаго десятилѣтія, онъ выводитъ свою „программу дѣятельности" прямо и непосредственно изъ самыхъ общихъ положеній научнаго соціализма. И опять-таки совершенно въ духѣ воззрѣній критикуемаго авторомъ фазиса нашего движенія, онъ пріурочиваетъ программу и тактику соціальдемократіи къ прямолинейно рисуемому имъ процессу развитія антагонизма между промышленными пролетаріями и ихъ эксплуататорами, а эти послѣдніе незамѣтно сливаются въ его представленіи со всѣмъ классомъ буржуазіи.*) Антагонизмъ рабочихъ и

*) Мнѣ кажется, что вообще схема развитія рабочаго движенія, рисуемая авторомъ, не совсѣмъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Такъ напр., никакъ нельзя согласиться съ замѣчаніемъ автора, что на высшей ступени освободительнаго движенія пролетаріата самооборона капиталистовъ противъ него отличается особенной безстѣнчивостью и явнымъ насильственнымъ характеромъ своихъ

капиталистовъ даже на Западѣ далеко не въ такомъ упрощенномъ видѣ, какъ нѣкоторые думаютъ, является *самодовлѣющимъ*, единственнымъ факторомъ, опредѣляющимъ положеніе пролетаріата и практическія задачи соціальной демократіи. Тѣмъ менѣе дозволительно разсматривать взаимныя отношенія промышленныхъ капиталистовъ и рабочихъ, какъ самодовлѣющій факторъ, въ современной Россіи, находящейся на совершенно другой ступени не только политическаго, но и соціально-экономическаго развитія, чѣмъ капиталистическія страны

средствъ. Фактическая исторія этого движенія показываетъ, что на дѣлѣ такими чертами характеризуются именно первыя его стадіи, тогда какъ дальнѣйшій, *поступательный ходъ* его сопровождается большимъ или меньшимъ вытѣсненіемъ грубыхъ, варварскихъ формъ борьбы капитала противъ труда сравнительно цивилизованными формами и пріемами. Къ такому заключенію можно придти также и a priori.

Первые фазисы рабочаго движенія совпадаютъ обыкновенно съ концомъ эпохи первоначальнаго накопленія или съ порубежнымъ періодомъ между нею и эпохой полнаго господства промышленнаго капитализма. Безправіе народныхъ массъ и варварскій характеръ всей системы „накопленія капитала" естественно обусловливаютъ и соотвѣтствующіе методы сопротивленія требованіямъ рабочихъ. Дальнѣйшій прогрессъ капитализма сопровождается, между прочимъ, водвореніемъ элементарной „порядочности", своего рода цивилизаціи въ сферѣ экономическихъ сдѣлокъ, съ одной стороны, и демократизаціей политическихъ правъ, съ другой. И то, и другое не можетъ не способствовать извѣстному смягченію первоначальныхъ формъ борьбы труда и капитала. Еще больше и непосредственнѣе въ томъ же направленіи должна дѣйствовать сама эта борьба, разъ она, по предположенію автора, углубляется и расширяется до того, что капиталисты становятся уже не въ силахъ справиться съ нею своими частными средствами. Поступательный ходъ рабочаго движенія не можетъ не сопровождаться кореннымъ измѣненіемъ взглядовъ и привычекъ господствующихъ классовъ относительно рабочихъ въ смыслѣ постепеннаго признанія за ними, какъ за свободными гражданами, такого же права отстаивать свои интересы, какимъ пользуются сами эти классы.

Еще одно, по моему, умѣстное замѣчаніе. Авторъ смѣшиваетъ или недостаточно строго различаетъ два момента въ политическомъ развитіи пролетаріата, и вслѣдствіе этого приходитъ къ не совсѣмъ правильному заключенію, будто въ Англіи „до сихъ поръ еще большинство (рабочихъ) сторонится отъ активной политической борьбы". Заключеніе это справедливо, поскольку авторъ имѣетъ въ виду борьбу за „достиженіе политической власти". Но въ дальнѣйшемъ

Запада. Такъ какъ я въ другой работѣ, спеціально посвященной вопросу о тактикѣ, подробно касаюсь этого предмета, то могу ограничиться только-что изложенными общими замѣчаніями.

Сказаннымъ отнюдь не умаляется значеніе перепечатаемаго нами произведенія „Объ агитаціи". Появленіе его знаменовало собою наступленіе новаго періода въ нашемъ движеніи. Замѣчанія автора относительно сущности и значенія агитаціи въ массахъ были новы и оригинальны для тѣхъ товарищей, къ которымъ онъ обращается, и сохраняютъ свою силу и для нашего времени. Что же касается нѣсколько абстрактнаго характера посылокъ, изъ которыхъ онъ исходитъ, а отчасти и односторонней постановки вопроса о тактикѣ русской соціальдемократіи, то это не его вина. Ему пришлось считаться съ „наслѣдіемъ прошлаго", благодаря которому необходимо было прежде всего выяснить и установить *принципіальное* значеніе агитаціи „на почвѣ мелкихъ нуждъ и требованій", какъ средства прямого воздѣйствія партіи на рабочія массы. Но теперь, когда работа эта уже сдѣлана и русская соціальдемократія на практикѣ вступила на путь, указанный авторомъ, пора и даже необходимо пойти дальше и поставить тактическіе вопросы на исторически вполнѣ конкретную и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе широкую почву. Агитація, въ смыслѣ автора, вращается исключительно въ той же

изложеніи этотъ моментъ политической борьбы незамѣтнымъ образомъ сливается у него съ борьбой за пріобрѣтеніе и расширеніе политическихъ правъ. Но между той и другой существенная разница. Первая предполагаетъ организацію пролетаріата въ самостоятельную партію, послѣдняя же можетъ вестись рабочими подъ флагомъ и въ рядахъ буржуазной демократіи. Это и имѣло мѣсто въ Англіи, а до недавняго времени и во Франціи и Швейцаріи. Только въ Германіи и въ Австріи пролетаріату удалось чуть не съ первыхъ шаговъ своей исторически-активной дѣятельности стать и въ сферѣ политическихъ вопросовъ на собственныя ноги и обратить, такимъ образомъ, борьбу за политическую свободу въ непосредственное орудіе для борьбы за политическую власть. Этимъ, замѣчу кстати, опровергается общее положеніе автора, что политическое развитіе рабочаго класса *всегда* совпадало и совпадаетъ съ ходомъ „экономической борьбы" рабочихъ съ капиталистами.

сферѣ, какъ и пропаганда: непосредственнымъ объектомъ ея являются одни лишь рабочіе, а ея единственной цѣлью служитъ воздѣйствіе партіи на ихъ мысль и волю и разумѣется, въ ихъ интересахъ. Тактика же въ широкомъ смыслѣ имѣетъ цѣлью не только увеличеніе числа приверженцевъ партіи внутри представляемаго ею класса, не только организацію его для борьбы противъ угнетателей, но и эксплуатацію взаимныхъ отношеній и потребностей другихъ классовъ въ интересахъ обезпеченія и увеличенія оборонительныхъ и наступательныхъ средствъ, необходимыхъ ему для этой борьбы. Съ этой точки зрѣнія, одной изъ важнѣйшихъ задачъ русской соціальдемократіи является пріобрѣтеніе пролетаріату союзниковъ и симпатій въ средѣ тѣхъ слоевъ населенія и ихъ идеологическихъ представителей, которые терпятъ отъ общественно-политическаго строя современной Россіи и заинтересованы въ ея прогрессивномъ движеніи. Эта задача является однимъ изъ важнѣйшихъ моментовъ, которыми должна опредѣляться тактика русскихъ соціальдемократовъ, потому что игнорированіе ея можетъ повлечь за собою если не истощеніе силъ движенія, то крайнее замедленіе ихъ роста и развитія. Развившаяся же въ 80-хъ годахъ привычка относиться, какъ къ историческимъ quantités negligeables ко всѣмъ явленіямъ русской жизни, непосредственно не входящимъ въ кругъ взаимныхъ отношеній капиталистовъ и рабочихъ, — эта привычка заключаетъ въ себѣ обратную тенденцію: тенденцію къ политическому изолированію нашего пролетаріата. Отъ нея, слѣдовательно, русскимъ соціальдемократамъ необходимо прежде всего радикально избавиться.

П. Аксельродъ.

ИЗДАНІЯ РУССКИХЪ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТОВЪ

I. Библіотека Современнаго Соціализма

Первая серія:

1. Соціализмъ и Политическая борьба. — *Г. Плеханова.* (Разошлось) - - - - - - - - - - - - - - - 75 с.
2. Развитіе научнаго соціализма. — *Фридриха Энгельса.* (2-ое изданіе) - - - - - - - - - - - - - 1 ф. 25 с.
3. Наши разногласія — *Г. Плеханова* - - - - - - - - 5 ф.
4. Рѣчь о свободѣ торговли — *Карла Маркса.* - - - - - 30 с.
5. Нищета философіи — *Карла Маркса* - - - - - - - 3 ф. 75 с.
6. Фердинандъ Лассаль — *Г. Плеханова.* - - - - - - - 1 ф. 25 с.
7. Чего хотятъ соціаль-демократы? (Разошлось) - - - 1 ф. 25 с.
8. Очеркъ Исторіи Международнаго Общества Рабочихъ *В. И. Засуличъ.* (Разошлось) - - - - - - - - - 1 ф. 85 с.
9. Новый Защитникъ Самодержавія или Горе г. Тихомирова — *Г. Плеханова* - - - - - - - - - - - - - 1 ф. 25 с.
10. Задачи Соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи — *Г. Плеханова.* - - - - - - - - - - - - - - - 1 ф.

Вторая серія:

1. Людвигъ Фейербахъ. — *Фр. Энгельса* - - - - - - - 1 ф. 50 с.
2. Фридрихъ Энгельсъ о Россіи - - - - - - - - - - 1 ф.

II. Рабочая Библіотека:

1. Рабочее движеніе и соціальная демократія. — *П. Аксельрода.* (Почти разошлось) - - - - - - - - - - 1 ф. 85 с.
2. Кто чѣмъ живетъ? — *С. Дикштейна.* (Разошлось) — 75 с.
3. Рѣчь П. А. Алексѣева. - - - - - - - - - - - 15 с.
4. Варшенъ передъ судомъ исправительной полиціи. — *В. И. Засуличъ.* - - - - - - - - - - - - - 15 с.
5. Ежегодный всемірный праздникъ рабочихъ. — *Г. Плеханова.* - - - - - - - - - - - - - - - - 15 с.
6. 1-ое Мая 1891 и адресъ нет. рабочихъ Шелгунову съ предисловіемъ *Г. Плеханова* (Разошлось) . . . 50 с.
7. Задачи Рабочей Интеллигенціи. — *П. Аксельрода* . 50 с.
8. Рабочій день; *передѣлка съ польскаго* . . . . . 50 с.
9. Машина. — *Д. Кольцова.* . . . . . 50 с.

III. Соціально-Революціонная Библіотека:

1. Манифестъ Коммунистической Партіи. . . . . 1 ф.
2. Наемный трудъ и Капит.—*К. Маркса.* (Разошлось). 75 с.
3. Программа Работниковъ. — *Ф. Лассаля* (Разошлось) 50 с.

Соціаль-Демократъ, сборникъ (Разошлось) . . . . . 2 ф. 50 с.

Соціаль-Демократъ, литературно-политич. обозрѣніе. Книга 1. 5 ф. — Кн. 2. 4 ф. — Кн. 3. 4 ф. — Кн. 4. 5 ф.

Работникъ, непеpіодическій сборникъ. №№ 1 и 2. . 4 ф.

Рус. рабочій въ революціон. движеніи — *Г. Плеханова.* 1 ф. 50 с.

Всероссійское раззореніе — *Г. Плеханова.* (Разошлось). 60 с.

Царское правительство и рабочіе. — *Д. Кольцова* . . 75 с.

Докладъ русскихъ соц.-демократ. международ. раб. конгрессу въ Лондонѣ въ 1896 . . . . . 50 с.

Объ агитаціи, съ послѣсловіемъ *П. Аксельрода* . . . . 60 с.

Цѣна 25 коп.

Складъ изданій при типографіи: Ch. de la Roseraie, 19.

NO. 350 GOLDSMITH BROS.
STATIONERS AND PRINTERS
77 NASSAU ST., N. Y. 8